

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 180–239
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 180–239
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-180–239

«ИМПОРТЫ» ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ II–I вв. до н.э.

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В работах последних десятилетий рассматривается целый ряд категорий инвентаря погребений кочевников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э., не имеющих прототипов в материальной культуре предшествующего времени. Они рассматриваются как восточные инновации и связываются с уходом ряда кочевых группировок от северо-западных границ Китая на запад вначале в Среднюю Азию, где под их ударами пало Греко-Бактрийское царство, а затем и далее на запад, вплоть до Нижнего Поволжья.

Проведенный в работе анализ археологических материалов не дает оснований говорить о попадании изделий южно-сибирского (забайкальского) происхождения в погребения кочевников Азиатской Сарматии. Вместе с тем очевидно, что в некоторых погребениях Нижнего Поволжья, датирующихся в рамках конца II–I в. до н.э., встречаются отдельные предметы, как правило, статусного облика (массивные золотые украшения: гривны

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник, Германского археологического института.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Э.Р. Чиняковой (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), Е.Ю. Новиковой, К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), О.А. Халяпиной (ОГИКМ, Оренбург), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ), С.Л. Воробьевой (НМРБ, Уфа), Б.Ш. Менкеновой (НМРК, Элиста).

и браслеты, поясные пластины), в большинстве своем с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, которые можно рассматривать как предметы, привезенные кочевниками из Центральной Азии. Нельзя, впрочем, исключать и роль межплеменных браков элиты кочевников в распространении таких вещей, тем более что по крайней мере часть из них в Поволжье была найдена именно в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 у с. Калиновка.

В некоторых случаях можно также говорить об определенных восточных влияниях в оформлении поясных пряжек, чем-то похожих на отдаленные прототипы из Монголии и Забайкалья.

В целом есть все основания для предположения о миграции какой-то группы (групп) кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможном участии в событиях, связанных с падением Греко-Бактрийского царства. Судя по количеству предметов, рассмотренных в этой статье, число мигрантов не была значительным, что соответствует и наблюдениям других исследователей, основанных на анализе погребального обряда. Замечу, что для рассматриваемого времени имеются лишь редчайшие примеры того, как вещи попадали с запада на восток (вероятно, также через евразийские степи). Однако рассматривать перемещение указанных выше предметов с востока на запад и с запада на восток как отражение экономических связей по Шелковому пути, как я уже отмечал в других работах, не приходится.

Ключевые слова: хунну, Забайкалье, Южная Сибирь, Центральная Азия, Азиатская Сарматия, Нижнее Поволжье, поясные пластины из золота, бронзы, гагата, статусные золотые украшения

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья представляет собой заключительный обзор в серии публикаций о восточных и южных «импортах» в погребальных памятниках Азиатской Сарматии. Опубликованные недавно статьи посвящены импортам из Китая¹ и Парфии². В данной же работе рассматриваются «импорты» из Центральной Азии и Сибири. Тот факт, что слово импорты взято в кавычки, не случаен, поскольку речь, как и в предыдущих работах, пойдет не только об импортных предметах, влияниях и заимствованиях, но и о тех вещах, которые ранее считались импортами, но в результате проведенного исследования таковыми не оказались.

В целой серии своих работ, написанных в два последних десятилетия, А.С. Скрипкин рассматривает некоторые категории вещей из сарматских погребений II–I вв. до н.э. юга Восточной Европы, обнаруживающих близкие аналогии в памятниках Центральной Азии: различные типы мечей, бронзовые ажурные, решетчатые и гагатовые поясные пряжки, глиняные кубические курильницы, миниатюрные копии котлов, колчанов с луками. Распространение этих вещей (наряду с некоторыми инновациями в погребальном обряде, имеющими восточные параллели, в частности, захоронения в колодах, конструкция которых близка колодам, используемым в погребальной практике населения Тувы последних веков до нашей эры), связывается с уходом ряда кочевых группировок от северо-западных границ Китая на запад в связи с агрессивной политикой хунну и продвижением

¹ Трейстер 2018а, 153–200.

² Трейстер 2018б, 109–201.

кочевников на запад вначале в Среднюю Азию, где под их ударами пало Греко-Бактрийское царство, а затем и далее на запад вплоть до Нижнего Поволжья³.

В последние годы эта тема неоднократно поднимались и другими исследователями, прежде всего в связи с анализом бронзовых ажурных и решетчатых, а также гагатовых поясных пряжек, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии⁴, а также погребального обряда, в частности, погребений с повозками⁵. Не меньшей интерес в данной связи вызывает и анализ некоторых видов украшений, на которые также уже обращалось внимание⁶.

У. Бросседер, посвятившая специальное исследование пряжкам Евразии, приходит к следующему выводу. С одной стороны, она, отмечая, широкое распространение гагатовых пряжек в Евразии, указывает, что «the dissemination cannot be explained by migration, i.e. a lasting change of residence, since the burial customs as well as other elements, such as pottery are of local style»⁷. С другой – указывается на то, что «The existence of the same belt type with rhomb ornament (Fig. 6) points to a more direct connection, possibly throws light on the actors involved in these interaction processes, probably through the mobility of those warriors. Compared with the numerous findings in northern Mongolia and Transbaikalia also the isolated occurrence of such belt plaques in Central Asia might speak for mobility. With these plaques however also the transfer of an idea is reflected since most likely at least some of them were locally manufactured». Чем в данном случае отличается миграция от «мобильности» не очень понятно. В другом месте в той же работе также подчеркивается, что воины, носившие рассматриваемые пряжки в разных регионах Евразии, «are not foreigners», что логично должно было бы опровергать миграционное объяснение. «Nevertheless they were wearing the same type of belts and thus using the same status symbol to display their rank. Since also the belts were locally made, as they show variation, this fact can only be explained by intensive communication and contact. With these plaques a connection between “Xiongnu” in the east and “Sarmatian” warriors in the west becomes visible»⁸.

В любом случае рассматривается вопрос о том, как такие пряжки оказались в Центральной Азии. И предлагается два объяснения – и «мобильность», и «трансфер идей», который привел к местному производству какой-то части таких пряжек⁹. Впрочем, мне не совсем ясно, как мог происходить «трансфер идей» между кочевниками на обширных пространствах Евразии без непосредственного контакта и каким образом (без физического перемещения носителей пряжек) могли осуществляться «intensive communication and contact» между культурами сюнну на востоке и сарматами на западе.

В то же время исследовательница отмечает и существование связей между Центральной Азией и Поволжьем – «Since there, at the same time, are also those

³ Скрипкин 2000, 17–40; 2014, 218–222; 2015, 106–111; 2017, 151–159; 2019, 20–34; Скрипкин, Клепиков 2004, 99–100.

⁴ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 141; Brosseder 2011, 349–424; Мордвинцева 2011, 349; 2015, 116; Глебов 2016, 69–79, Раев 2017; Власкин и др. 2018, 61.

⁵ Раев, Дворниченко 2014, 170–174, Клепиков 2017, 20–35.

⁶ Мордвинцева 2003, 51–52; 79; 2007, 228–230, 238, Treister 2004, 306–307; Трейстер 2007а, 130.

⁷ Brosseder 2011, 414.

⁸ Brosseder 2011, 364.

⁹ Brosseder 2011, 414.

frame buckles with camel depiction are found (Fig. 35), one can see that the region north of the Amu-Darya is well connected with the Volga region»¹⁰, впрочем, оставляя открытым вопросом о том, каким образом такие связи осуществлялись.

Если, по мнению А.С. Скрипкина, отмеченные выше «восточные инновации» позволяют ставить «вопрос о возможной миграции центральноазиатского кочевого населения в степной регион юга Восточной Европы»¹¹, то, как считает Б.А. Раев, речь идет о миграции населения из Забайкалья в Нижнее Поволжье, «промежуточным пунктом» которой «были степи к северу от Амударьи», причем «процесс этот был достаточно кратковременным, в нем участвовали не более двух, много – трех поколений переселенцев, что отразилось в сохранении не только отдельных традиций погребальной практики, но и в прямом переносе части вещей»¹².

Поскольку в большинстве случаев подробный археологический анализ и сопоставление предполагаемых восточных прототипов (параллелей) находкам из Азиатской Сарматии не проводились, а связь просто постулировалась, исходя из внешнего сходства предметов, постараемся подробно проанализировать сами археологические памятники.

1. ПРЯЖКИ И ПОЯСНЫЕ ПЛАСТИНЫ

1.1. *Ажурные поясные накладки (пряжки) прямоугольной формы с крючком и отверстиями на рамке*

1.1.1. *Поясные накладки с решетчатым декором*

Такая накладка прямоугольной формы с ажурным решетчатым орнаментом из железа, обтянутого золотой фольгой, с шестью отверстия (в углах, в центре одной из длинных сторон и в центральной части) была найдена на крестце погребенного в датированном около середины¹³ или возможно конца¹⁴ I в. до н.э. погребении № 12 кургана № 5/1974 могильника Кривая Лука-VIII. Железными гвоздиками накладка крепилась к ажурной деревянной основе. Декоративная часть накладки образована продольной переключиной, разделяющей пряжку пополам, и четырьмя коленчатыми переключками по обеим ее сторонам, соединяющими продольную ось с длинными сторонами рамки. У правого края пряжки имеется вырез для ремня, а к рамке справа от выреза крепился боковой крючок из железа¹⁵. Исследователи предполагали, что подобная же накладка была най-

¹⁰ Brosseder 2011, 414.

¹¹ Скрипкин 2017, 158.

¹² Раев 2017, 303–304. Для сравнения, в работе 2014 г. на основании анализа погребального обряда одного из погребений в Косике, автор приходит к выводу о том, что «подобные захоронения II–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Подонье появились вместе с носителями этой традиции из Центральной Азии» (Раев, Дворниченко 2014, 172–173).

¹³ Дворниченко и др. 2008, 239.

¹⁴ Демиденко, Демиденко 2012, 84.

¹⁵ Дэвлет 1980, 12 (с ошибочной датировкой погребения II в. до н.э.), 18 («бронзовая, покрытая тонким листовым золотом с железным язычком»); Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989а, 6 (ошибочно названа «бронзовой позолоченной»); Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 174–175; Дворниченко и др. 2008, 239–241, рис. 1; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 4; 25, no. A-4; Скрипкин 2014, 219, 220, рис. 1, 4; 2019, 23, 29, рис. 3, 7.

1

2

Рис. 1. Бронзовые пряжки с изображением верблюда. 1 – Могильник Ново-Калкашевский-II. Курган № 2/1990. Погребение № 5. Уфа, НМРБ, инв. № ОФ 17013/17. 2 – Могильник Донской. Курган № 1/1991. Погребение № 21. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 21728. Фото, 1 – М.Ю. Трейстер, 2015; 2 – РОМК

дена и в погребении № 1/1984 в Косике¹⁶, сопоставив обе с бронзовыми пряжками, найденными в Ордосе и на территории Южной Сибири. Если по форме и декору пластина из Кривой Луки действительно близка некоторым из них (при этом укажем, что все они литые, бронзовые и являются именно накладками, т.е. не имеют никакого бокового крючка и выреза для ремня¹⁷), то единственный признак пластины из Косики – это ажурный характер и использование перемычек, изгибающихся под прямым углом. Сама форма предмета из Косики не позволяет сравнивать его с бляхами из Ордоса и Южной Сибири.

Подобная же фрагментированная, но бронзовая ажурная прямоугольная пряжка с решетчатым декором происходит из датированного в рамках II–I вв. до н.э. мужского погребения № 9 кургана № 1/1993 у с. Питерка – портупейная пряжка фиксировалась к основе из кожи при помощи тонких кожаных ремешков¹⁸. В отличие от пряжки из Кривой Луки, боковые перемычки образуют не прямые углы, а острые – вершинами в сторону крючка. Аналогии такому декору среди поясных блях из Ордоса и Южной Сибири мне не известны, хотя авторы публикации и сопоставляют ее с поясными пластинами из Южной Сибири¹⁹.

Итак, очевидно, что называть находки из Кривой Луки, Косики и Питерки – ордосскими бляхами невозможно, хотя так же очевидно, по крайней мере, в случае с пряжкой из Кривой Луки, что в качестве прототипов ее декора действительно выступали поясные пластины, получившие распространение в Монголии и Забайкалье.

1.1.2. Бронзовые поясные пряжки и накладки с изображениями лежащего двугорбого верблюда

Пряжки и накладки этой серии (у последних отсутствуют крючки²⁰) (рис. 1) изготовлены только из бронзы. Их находки происходят из десяти комплексов²¹, из которых лишь два – в Центральной Азии (Бабашовский могильник в Северной Бактрии²² и могильник Шаштепа на территории Ташкента²³), еще одна пряжка –

¹⁶ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 174–175, рис. 20, 1; Ляхов, Мордвинцева 2000, 107; Дворниченко и др. 2008, 240.

¹⁷ Ср. Дэвлет 1980, 12, 25–26, № 63–77, табл. 15–17; Boardman 2010, 82–83, nos. 456–457, pl. 58; Jäger, Kansteiner 2011, 40–41, no. 42; Кат. Москва 2014, 64, справа внизу; Килуновская, Леус 2017, 96, рис. 4, 9–10; 2018a, 128, 136, рис. 4, 1; 2018б, 137–139, рис. 11, 6–7.

¹⁸ Ляхов, Мордвинцева 2000, 104, рис. 2, 4; 105, 107; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62, № 27, рис. 5, 5; Скрипкин 2006, 28, рис. 1, 26; 2014, 219, 220, рис. 1, 3; 2019, 23, 29, рис. 3, 6; Ляхов, Поповкина 2009, 205, рис. 9, 7.

¹⁹ Ляхов, Мордвинцева 2000, 107; Скрипкин 2000, 25; 2014, 219; 2019, 23.

²⁰ Из Бабашовского могильника и Белокаменки.

²¹ Королькова 1999, 76, рис. 4, 7–11; 79–80, 84, 88; Скрипкин 2000, 24–25, рис. 6А, 3–7; 6Б, 7–8; 2006, 13–14, рис. 1, 17–21, 24; 2019, 22, 28, рис. 2, 1–9; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62–63, рис. 4, 5–11; Королькова 2006, 90–91, 97–98, табл. 53, 7–11; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 7–11; Brosseder 2011, 384–388, fig. 35; 419, list 3b, nos. 1–8; Shu Takahama 2012, 27–28, C-1–5; fig. 3, 1–5; Засецкая 2015, 218, 219, рис. 27, 8–11; Глебов 2016, 70–73, рис. 1, 1–3; 2, 1–5. См. также аналогичную пряжку неизвестного происхождения, которая хранилась в собрании Л. Милденберга: Кат. Berlin 1983, 41, Nr. 42; Кат. München 1996, 151, 152, Nr. 124. Таким образом, нам известно десять пряжек и две накладки с изображением лежащего верблюда.

²² Мандельштам 1975, 116–117, 145, табл. 33, 8–9; 36, 7–8; Королькова 1999, 76, рис. 4, 7; 80; Горбунова 2001, 128, 137, рис. 5, 19; Богданов 2006, табл. LXXXII, 3–4; Королькова 2006, 91, табл. 53, 7; Филанович 2010, 208, рис. 5–6; 209; Brosseder 2011, 419, list 3b, no. 8; Shu Takahama 2012, 27–28, C-5; fig. 3, 5.

²³ Филанович 2010, 206–207, 208, рис. 2; 209–213.

на Южном Урале²⁴, а остальные в погребениях кочевников Азиатской Сарматии – в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону, датирующихся II–I вв. до н.э., возможно, появляясь еще в первой половине II в. до н.э.²⁵

У пряжки из погребения № 10 кургана № 11 могильника Красногоровка-III на Нижнем Дону²⁶ неподвижный язычок был утрачен в древности, все четыре угла с отверстиями для пришивания обломаны, сломы зашлифованы, а в средней части пробиты два новых отверстия. Это обстоятельство, а также место находки пряжки – в погребении у запястья руки – позволили предположить, что в данном случае бывшая пряжка служила гастагной²⁷.

Я исключаю из этой серии приписанные к ней некоторыми исследователями пряжки из частных коллекций, в том числе происходящие, с большой вероятностью, с территории Ирана пряжки с изображениями стоящего верблюда, т.к. у них на правой стороне рамки имеется вертикальный шпенек (в одном случае – крупный), позволяющий относить эти пряжки к другой, «парфянской» группе²⁸.

В погребениях находили по одной пряжке (накладке), за исключением двух накладок с отверстиями в углах (одной – со следами ремонта) из мужского погребения № 25 в ограде XIV Бабашовского могильника, на обоих представлен верблюд влево (накладки были найдены выше таза с обеих сторон позвоночника²⁹). Интересно, что обычно в таких случаях изображения на пряжках были представлены в зеркальной симметрии, как это имело место на пряжке с крючком и накладке из погребения № 3 кургана № 7/1988 у с. Белокаменка, при этом пластина из Белокаменки – единственная, на которой верблюд изображен вправо³⁰, на всех остальных, включая пряжку из Белокаменки, верблюд представлен в профиль влево.

Распределение пряжек с концентрацией их находок на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье с единичными экземплярами на Южном Урале и в Северной Бактрии как будто бы противоречит высказывавшимся неоднократно предположениям об их восточном (сибирском или урало-казахстанском происхождении)³¹ и скорее свидетельствует о различных центрах их производства в Евразии³², тем более, что одна из блях, найденных в Бабашовском могильнике, имеет следы ремонта, а фрагментированная пряжка из Шаштепа была сломана в древности и найдена в

²⁴ В список У. Бросседер не была включена пряжка из Шаштепа (см. выше), а также эта пряжка из погребения № 5 кургана № 2 могильника Ново-Калкашский-II на Южном Урале: Акбулатов 1998, 122, 132, рис. 5, 2; Глебов 2016, 72, рис. 2, 1; 73–74. Пряжка из Шаштепа также не включена в сводку В.П. Глебова. Еще более неполные материалы, опубликованные Е.Ф. Корольковой.

²⁵ Глебов 2016, 73–74.

²⁶ Королькова 1999, 76, рис. 4, 8; 79; 2006, 91, табл. 53, 8; Cat. Paris 2001, 143, no. 132; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 8; Филанович 2010, 210; Brosseder 2011, 419, list 3b, no. 3; Shu Takahama 2012, 27, C-3; fig. 3, 3; Засецкая 2015, 219, рис. 27, 10; Беспалый, Лукьяшко 2018, 184, № 2, рис. 99, 3; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 4.

²⁷ Глебов, Бабешко 2012, 284–285; Глебов 2016, 71, рис. 1, 3; 72–73.

²⁸ Королькова 1999, 76, рис. 4, 12–13; 2006, табл. 53, 12–13; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 12–13; Brosseder 2011, 420, list 3b, nos. 9–11.

²⁹ Мандельштам 1975, 92, рис. 50.

³⁰ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 138, 146, рис. 4, 17; Королькова 1999, 76, рис. 4, 9; 79; 2006, 91, табл. 53, 9; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62, № 19, рис. 4, 5–6; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 9; Brosseder 2011, 387, 388, fig. 38, 2–3; 419, list 3b, no. 1; Shu Takahama 2012, 27, C-1; fig. 3, 1; ; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 1.

³¹ Королькова 1999, 84; 2006, 93; Скрипкин 2006, 13–14; Засецкая 2015, 218.

³² Скрипкин 2019, 23.

женском погребении, где она использовалась в качестве застежки ворота³³. Таким образом, по крайней мере у кочевников, оставивших свои погребения в Северной Бактрии и Чаче, эти пряжки были предметами явно неместного производства, вероятно, какое-то время находившиеся в использовании; ими, конечно, дорожили. Интересно, что в отличие от других пряжек, найденных в погребении Бабашовского могильника и изготовленных из латуни, рассматриваемые накладки – бронзовые с содержанием в сплаве олова 4–6% и свинца 0,5–1,9%³⁴. Можно ли считать эти находки из погребений кочевников в Северной Бактрии и Чаче более ранними, чем пряжки и накладки из Нижнего Поволжья и Подонья, которые рассматриваются как подражание восточным образцам³⁵, – непростой вопрос. Хотя М. Филанович и датирует погребение из Шаштепа III в. до н.э.³⁶, но основания этой датировки не прослеживаются, тем более что сам автор отмечает и близость комплексов из Шаштепа и Бабашовского могильника, который А.М. Мандельштам датировал в пределах последней трети II–I вв. до н.э.³⁷, и отмечает, что погребения в Шаштепе были перекрыты архитектурно-строительным комплексом II в. до н.э. – III в. н.э.³⁸ Все это не исключает отнесение комплекса из Шаштепа ко II в. до н.э.

1.1.3. Бронзовые поясные накладки (пряжки) с изображением одиночных животных

Две бронзовые ажурные пластины прямоугольной формы с вписанными изображениями драконов из погребения № 4 кургана № 8/1977 могильника Донгулюк-II в Западном Казахстане (рис. 2), вероятнее всего, следует рассматривать не как пряжки, а как поясные накладки, они нелитые, изготовлены из довольно тонкого листа, на рамках отсутствует шпенек или крючок³⁹, а округлые отверстия или их следы в углах свидетельствуют о том, что они нашивались на ремни. С.Ю. Гуцалов затруднился найти аналогии пластинам⁴⁰, мне также не удалось это сделать, несмотря на использование практически всех основных публикаций по ордосским поясным пластинам. Хотя восточный облик изображения сомнения не вызывает, о точном происхождении пластин можно только гадать.

Фрагментированная пряжка – из погребения № 7 кургана № 4 в Старице в Нижнем Поволжье⁴¹ – имеет неясное изображение в рамке (тигра влево?), у которой обломана передняя и задняя часть, поэтому не известно, были ли на боковых сторонах рамки крючок и шпенек.

³³ Филанович 2010, 206.

³⁴ Мандельштам 1975, 92; Богданова-Березовская 1975, 196–197, табл. 4, анализы № 412–63, 413–63.

³⁵ Скрипкин 2019, 23.

³⁶ Филанович 2010, 213.

³⁷ Мандельштам 1975, 144, 146; Горбунова 2001, 142–143.

³⁸ Филанович 2010, 206.

³⁹ Гуцалов 2009, 106, № 5; 109, рис. 2, 10–11; 110, 112, рис. 3, 1–2; Гуцалов, Марыксин 2011, 195, № 5; 196, рис. 2, 3–4; 197, рис. 3; 203; Gutsalov 2012, 33, 35, fig. 3, 6–7; Глебов 2016, 71–73, рис. 2, 9–10; Скрипкин 2019, 23, 29, рис. 3, 1–2. Изображение пунктиром загнутого шпенька на прорисовке одной из пластин в публикациях С.Ю. Гуцалова – не более, чем творческая фантазия художника.

⁴⁰ См., Гуцалов 2009, 110; Gutsalov 2012, 45.

⁴¹ Смирнов 1976, 82, 86, рис. 6, 14; Богданов 2006, табл. LXXXII, 8; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 1 (ошибочно указано, что случайная находка); Глебов 2016, 72, рис. 2, 12; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 15.

Рис. 2. Бронзовые пряжки с изображением дракона. 1 – Могильник Донгулюк-Ш. Курган № 8/1977. Погребение № 4. Уральск, ЗКОИМК, инв. № 3746/19. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

1

2

3

Рис. 3. Бронзовая пряжка с изображением схватки животных. Могильник Писаревка-II. Курган № 6/2000. Погребение № 2. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31453/4. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

1.1.4. Бронзовые поясные пряжки с изображениями схватки животных

Рассматриваемые пряжки и пластины по своей конструкции аналогичны пластинам с изображением лежащего верблюда и отличаются лишь сюжетом изображения в рамке – сценой нападения тигра, изображенного слева, на верблюда⁴². Область распространения этих пряжек⁴³, однако, отличается – до сих пор самые крайние западные находки таких пряжек происходят с территории Нижнего Поволжья (на Нижнем Дону они не известны), находки рассредоточены также на территории Южного Урала, Зауралья и степей Западного Казахстана, а также в Бактрии и Согде. В настоящее время известно девять таких пряжек – к наиболее полной сводке У. Бросседера следует добавить пряжку из погребения № 1 кургана Жусандыой в Западном Казахстане, раскопанного в 2009 г.⁴⁴

Области распространения рассмотренных выше двух основных групп пряжек (накладок) с изображением лежащего верблюда и нападения тигра на верблюда показывают в целом, что основная концентрация находок таких пряжек приходится на Нижнем Поволжье и Подонье, менее представительная группа происходит с территории Северной Бактрии и Согда, при том, что пряжки с изображением верблюдов получили довольно широкое распространение и в Нижнем Подонье, а пряжки со сценой терзания – на территории Казахстана. Кроме того, отдельные находки пряжек двух групп происходят с территории Южного Урала и Зауралья (рис. 4, 1). Эти наблюдения вряд ли позволяют рассматривать их как предметы восточного импорта, откуда бы он не происходил, тем более что точных сюжетных параллелей нет ни в Сибири, ни в Северном Китае, а поясные пластины Ордоса и Южной Сибири были именно накладками на пояс, а не пряжками, т.е. не имели боковых крючков. При несомненном восточном влиянии на сам принцип ажурного изображения в прямоугольной рамке и в определенной степени сюжетов, породивших моду у кочевников на такие предметы, есть все основания предполагать, что сами пряжки могли изготавливаться в различных областях Азиатской Сарматии, в том числе и в Центральной Азии, и в Нижнем Поволжье, и в Нижнем Подонье⁴⁵.

1.2. Бронзовые пряжки в форме прямоугольных рамок с ажурными изображениями, с выступом-крючком спереди на рамке, и со шпеньком – сзади

Фрагментированная пряжка рассматриваемого типа с изображением в рамке всадника в профиль влево происходит из погребения № 11 кургана № 3/1961 могильника Мечетсай в Южном Приуралье (рис. 5).

⁴² Обельченко 1992, 182–186; Королькова 1999, 78, рис. 6, 1–6; 79, 84–88; 2006, 90–91, 93–98, табл. 55, 1–6; Скрипкин 2000, 24–25, рис. 6А, 8–9; 6Б, 9–11; 2006, 13–14, рис. 1, 22–23, 25; 2019, 22, 28, рис. 2, 11–13; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62–63, рис. 4, 12–13; 5, 1; Богданов 2006, табл. LXXXII, 1–2; Korolkova 2006, 199, 204, fig. 7, 1–6; Brosseder 2011, 384–388, fig. 35; 419, list 3a, nos. 1–8; Shu Takahama 2012, 26–27, В-1–6; fig. 2, 1–6; Глебов 2016, 72–74, рис. 2, 6–8.

⁴³ Brosseder 2011, 385, fig. 35.

⁴⁴ Лукпанова 2012, 147; Самашев 2013, 128, рис. 270; Kat. Vochum 2013, 774, Nr. 522.

⁴⁵ Скрипкин 2000, 25; Глебов 2016, 74–75.

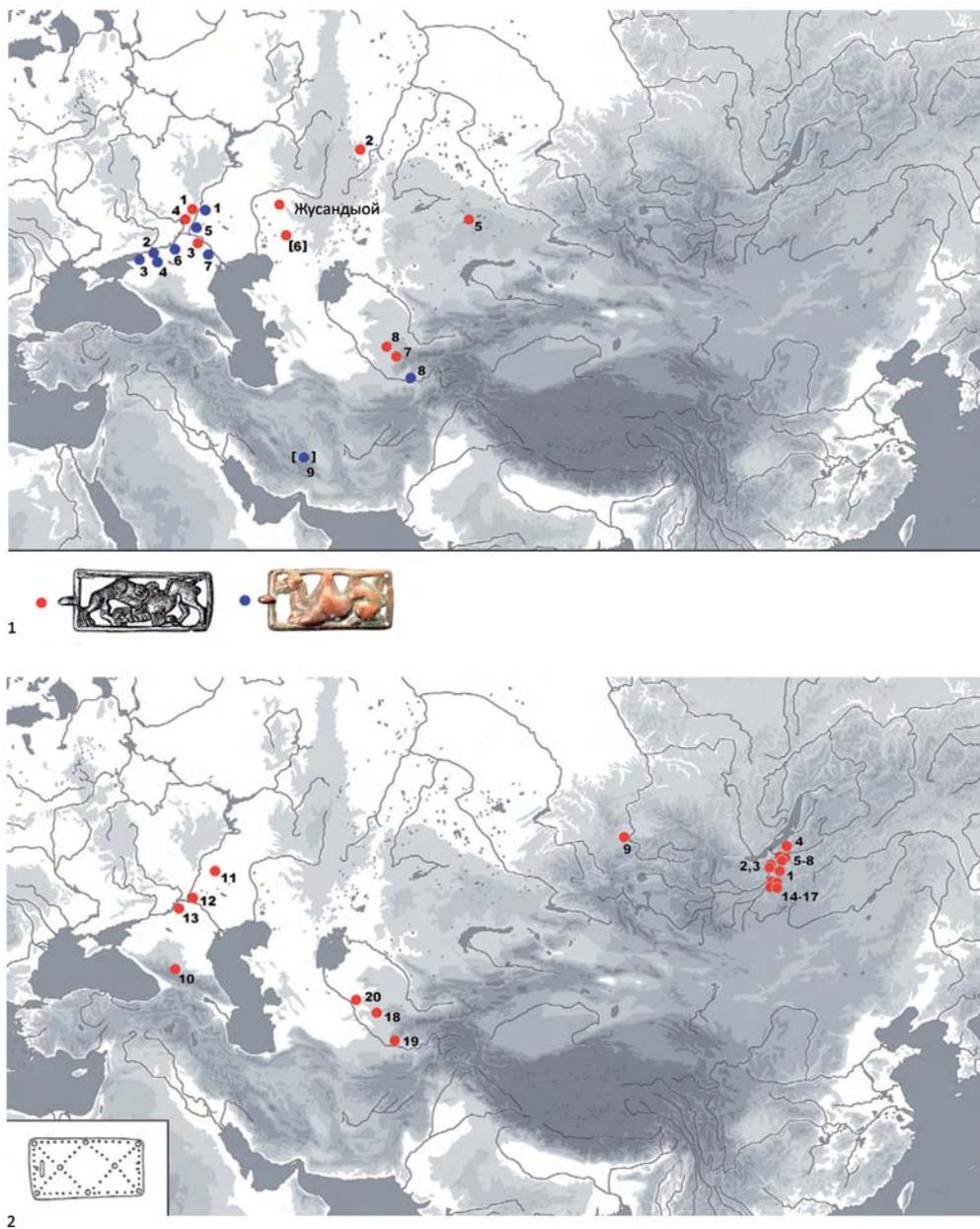

Рис. 4. Распространение пряжек в Евразии. 1 – бронзовые пряжки с изображением схватки животных и верблюдов, 2 – прямоугольные поясные пластины с точечным геометрическим декором. 1 – по: Brosseder 2011, 385, fig. 35 (с добавлением пряжки из Жусандыой); 2 – по: Brosseder 2011, 359, fig. 6

1

2

Рис. 5. Бронзовая пряжка с изображением всадника. Могильник Мечетсай. Курган № 3/1961. Погребение № 11. Оренбург, ОГИКМ, инв. № Ором 7178/446. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

У. Бросседер сравнивает пряжку из Мечетсая⁴⁶ с парфянскими пряжками с изображением всадников, отмечая ее особенную близость пряжке из собрания Фаруги⁴⁷. Между тем отличительной особенностью парфянских пряжек с изображением всадников являются не только крючок спереди и крупный круглый в сечении шпенек сзади на рамке, но и выполненные в рельефе кружки (имитация кастов?), расположенные в углах пряжек⁴⁸. Хотя пряжка из Мечетсая сохранилась не полностью, тем не менее в двух сохранившихся углах таких кружков нет. Таким образом, несмотря на близость конструкции и сюжета, пряжку из Мечетсая вряд ли можно относить к этой группе, а уж тем более рассматривать как парфянскую. Обращает на себя внимание и несколько примитивное исполнение фигуры всадника на пряжке и иная поза всадника, с левой рукой положенной на круп коня. Интересно, что при этом голова всадника развернута фронтально.

К этой же группе относят и фрагментированную пряжку из кургана № 9 группы III могильника Дуана на Устюртском плато⁴⁹, у которой, как и у пряжки из Мечетсая, сохранилась правая часть со шпеньком на закругленной рамке с неясным изображением в центре. Еще одна пряжка этого типа (прямоугольная с крючком слева на рамке и шпеньком – справа) была найдена в Северо-Западной Туркмении, на верхнем Узбое, в могильнике Дордуль, датированном в рамках IV–II вв. до н.э.⁵⁰ В центральной части прямоугольной рамки изображен бюст мужчины *en face*. Поскольку пряжка публиковалась только в виде довольно грубого рисунка, трудно получить полное представление о ее художественных достоинствах, однако складывается ощущение о довольно примитивном исполнении. Композиция в какой-то степени напоминает известные парфянские пряжки, у которых в рамке изображен не один, а два обнимающихся бюста⁵¹.

Пряжка из могильника Нагорненский в Западном Казахстане представляет изображение лежащего горного барана с развернутой *en face* головой⁵². Четко проработанный крупный шпенек позволяет ставить эту в пряжку в один ряд с пряжками парфянских типов, упомянутых выше. Сюжет изображения не характерен для известных парфянских пряжек, хотя и на них встречаются одиночные изображения животных, например, коня влево⁵³, или верблюда вправо⁵⁴, или животного

⁴⁶ Смирнов 1975, 100, 101, рис. 34, 9; Brosseder 2011, 389, 390, fig. 40, 2; 420, list 3d, no. 1; Shu Takahama 2012, 29, no. F-1; 30, fig. 6, 1; Глебов 2016, 72, рис. 2, 14; 75; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 10.

⁴⁷ Ghirshman 1979, pl. II, 1, 2; III, 2; Curtis 2001, 306, pl. XII; Brosseder 2011, 389, fig. 39, 2–4; 420, list 3d, nos. 3–9.

⁴⁸ Ghirshman 1979, pl. II, 1–4; III, 2–4; Collon 1995, fig. 159 (вверху); Curtis 2001, 306, pl. XII; Winkelmann 2003, 119, Abb. 7.

⁴⁹ Ягодин 1978, 102, рис. 28, II; 103; Shu Takahama 2012, 29, no. F-2; 30, fig. 6, 2.

⁵⁰ Юсупов 1975, 50–51, рис. 22, 5; Ягодин 1978, 103; Вайнберг, Юсупов 1992, 127, табл. 50, VI; Shu Takahama 2012, 30, no. F-4; fig. 6, 4.

⁵¹ Ghirshman 1979, pl. I; III, 1; Collon 1995, fig. 159 (внизу); Curtis 2001, pl. XIIIb.

⁵² Cat. Mantua 1998, 159, no. 216 (с ошибочной датировкой VI–V вв. до н.э.); Cat. Washington 2006, 105, no. 25; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 3 (ошибочно отнесена к предметам без археологического происхождения – Нагорненский – это не коллекция, а могильник – пряжка происходит из спасательных раскопок курганов на левом берегу р. Илек северо-западнее Актюбинска в 1981–1982 гг.: см. о раскопках: Курманкулов 2007, 98–99; Гуцалов 2013, 108).

⁵³ Ghirshman 1979, pl. II, 3–4.

⁵⁴ Ghirshman 1979, pl. II, 5.

с повернутой назад головой⁵⁵. Ближайшая параллель сюжету, представленному на пряжке, имеется на парных пряжках на статуе Санатрука II из храма Шамаша в Хатре⁵⁶, а также на золотом двухчастном пластинчатом браслете с шарнирным соединением из кургана у с. Тузлуки в Нижнем Подонье⁵⁷.

Я против отнесения к этой же группе пряжек (list 3d) и фрагментированной пластины из Кампыртепа⁵⁸, у которой на сохранившейся правой стороне рамки не наблюдается никаких признаков круглого в сечении шпенька.

1.3. Поясные пластины из гагата

Поясные пластины из гагата прямоугольной формы со вставками, украшенные инкрустацией в виде гвоздиков из золота или бронзы, вставленных в отверстия, образующие крестообразные фигуры, известны по находкам из Нижнего Поволжья в мужских воинских погребальных комплексах II–I вв. до н.э.: кургане № 27/1964 у с. Жутово в Волго-Донском междуречье (рис. 6)⁵⁹ и погребении № 1 кургана № 9/1993 у с. Питерка в Саратовском Заволжье⁶⁰ (вместе с рассмотренной выше бронзовой пряжкой с решетчатым декором).

Близкую форму и систему декора имеет пара роговых пряжек из мужского погребения № 13 кургана № 1/1954 у с. Верхнее Погромное. Пластины инкрустированы чередующимися продольными рядами железных и бронзовых гвоздиков, образующих почти регулярную сетку из прямоугольников⁶¹.

О сходстве прямоугольных инкрустированных гагатовых пластин с находками из памятников хунну Южной Сибири и из курганов Бухарского оазиса и среднего течения Сыр-Дарьи уже неоднократно писалось (рис. 4, 2). Находки из Нижнего Поволжья при этом рассматриваются как принесенные с миграцией с востока из Южной Сибири через Центральную Азию⁶². У Бросседер не исключала местное

⁵⁵ Происхождение неизвестно, Британский музей: Curtis 2001, pl. XIIIa. – 2. Могильник Галекути II. Дайламан, Гилян, Иран: Sono, Fukai 1968, pl. 77, 8; Обельченко 1978, 71, рис. 1, 4; 74; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 2; Shu Takahama 2012, 30, no. F-5; fig. 6, 5.

⁵⁶ Safar, Mustafa 1974, pl. 4; Curtis 2001, 303, type c; 304, fig. 2b.

⁵⁷ Bessaly 1986, 75, no. 1, pl. 60, 1; Cat. Tokyo 1991a, 86, no. 81; Cat. Zürich 1993, 272, Nr. 145; Cat. Daoulas 1995, 92, 94, no. 118; Guguev 1996, 59; Cat. Paris 2001, 181, no. 200; Treister 2002, 365; Cat. Frankfurt 2003, 121–122, Nr. 87; Мордвинцева 2003, 91, № 80, рис. 34; Fless, Treister 2007, 176, Abb. 7, 9; Трейстер 2007а, 149; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 89, № 280.2, табл. 20, 42; рис. 45; Засецкая 2011, 120–121, рис. 57а.

⁵⁸ Pyasov, Rusanov 1998, 110, 149, fig. VII, 4; Cat. Tokyo 1991b, 167, no. 287; Лунева 2001, 120–121, 124, рис. 2, 7; 128, рис. 6, 32; Пилипко 2001, 294, рис. 2, 6; Curtis 2001, 307; Brosseder 2011, 390, note 61, 420, list 3d, no. 2; Shu Takahama 2012, 30, no. F-3; fig. 6, 3.

⁵⁹ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 139, рис. 6, 7; Скрипкин 2000, 25, рис. 6А, 2; 2006, 13, рис. 1, 28–29; 2014, 218; 2019, 23, 29, рис. 3, 3–4; Клепиков, Скрипкин 2002, 74, рис. 5А, 2, 3; Shu Takahama 2002, 53, pl. 2, 17; Скрипкин, Клепиков 2004, 98, рис. 4, 9–10; Скрипкин, Шинкарь 2010, 130, рис. 4А, 6; Мордвинцева 2011, 350; Brosseder 2011, 362, fig. 11, 5–6; 387, note 56; 421, list 4, no. 13; Клепиков 2016, 106; Раев 2017, 292, 295, рис. 1, b; 2, 1.

⁶⁰ Ляхов, Мордвинцева 2000, 104, рис. 2, 2; 105, 107; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 63, № 27, рис. А, 4; Shu Takahama 2002, 53, pl. 2, 16; Скрипкин 2006, 28, рис. 1, 27; 2019, 23, 29, рис. 3, 5; Ляхов, Половинкина 2009, 205, рис. 9, 5; Brosseder 2011, 364: ошибочно названа «агатовой!»; Раев 2017, 295, 296, рис. 3, 5.

⁶¹ Шилов 1975, 47, рис. 36; Раев 2017, 295, 296, рис. 3, 4.

⁶² Скрипкин 2000, 25; 2014, 28; 2019, 23; Brosseder 2011, 357–364, figs. 6–11; 414, 421, list 4; Вдовченков 2016, 175; Раев 2017, 291–305.

Рис. 6. Пластины поясные из гагата. Могильник Жутово. Курган № 27/1964. Погребение № 4. Волгоград, ВОКМ, инв. № 12189. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

изготовление таких пряжек из Центральной Азии, что вызвало критику Б.А. Раева, указавшего как на отсутствие в этом регионе месторождений гагата, так и на отсутствие здесь прототипов таких пряжек⁶³. Впрочем, У. Бросседер, справедливости ради, не отрицала и возможность того, что такие пряжки могли попасть в Центральную Азию из Забайкалья.

В любом случае нельзя не обратить внимание на то, что среди материалов из Южной Сибири и Забайкалья преобладали пряжки, сделанные не из гагата, а из сланца – во всяком случае, так определяется этот минерал в большинстве публикаций⁶⁴. Б.А. Раев справедливо обращает на это внимание, называя эту диспро-

⁶³ Раев 2017, 301.

⁶⁴ Давыдова 1996, 58, табл. 40, 3; Миняев 2007, 34, 35, рис. 17, 6.

порцию «странной»⁶⁵. Предположение о южносибирском / забайкальском происхождении пластин, найденных в Нижнем Поволжье, подкрепляется, по мнению автора, сходством некоторых элементов погребального обряда и даже местоположением пластин в могилах (у коленных суставов погребенных) в Жутово и в некоторых погребениях в Забайкалье и в Центральной Азии⁶⁶ (заметим, что единственная пластина из Питерки была найдена на поясе погребенного). Косвенно предположение о статусном характере этих предметов, найденных в Поволжье, на мой взгляд, подтверждает тот факт, что пластина из Питерки имела следы изношенности и древнего ремонта.

Казалось бы, слабым звеном предположения о том, что найденные в Поволжье гагатовые пластины проделали со своими владельцами длительный путь, который занял время двух-трех поколений, из Забайкалья через Центральную Азию в Нижнее Поволжье, является не только то, что все пластины характеризуются набором различных индивидуальных признаков формы и декора и, будучи похожими, тем не менее не идентичны, а то, что именно в Центральной Азии все такие пластины сделаны из гагата, тогда как в Южной Сибири и Забайкалье – это скорее исключение, чем правило. Убедиться в этом можно, взглянув на составленную Б.А. Раевым карту, которая во многом близка карте, опубликованной в работе У. Бросседер (рис. 4, 2)⁶⁷, с важным добавлением – пластины из разных материалов отмечены Б.А. Раевым различными значками⁶⁸.

Гипотезу Б.А. Раева о том, что в Южной Сибири и Забайкалье практически нет пластин из гагата (при наличии необходимого для их изготовления сырья), потому что пряжки из гагата как статусные предметы были взяты своими владельцами в поход и перенесены далеко на запад⁶⁹, я комментировать не буду. Ей противоречат и недавно опубликованные материалы из Тувы – гагатовые пластины из могильников Ала-Тей и Терезин⁷⁰. Здесь подобные гагатовые пластины были найдены в нескольких женских погребениях второй половины II–I вв. до н.э., наряду с большими пластинами, по размеру и форме близкими жутовским, найденными в четырех погребениях этого могильника. В одном из погребений – пожилой женщины – был найден полный поясной набор, состоящий из большой пряжки-пластины, более мелких прямоугольных бляшек (2,5–3,0 x 4–5 см), одна из которых украшена X-образным точечным декором, и кольца. Точечные углубления на гагатовых пластинах из Тувы заполнены цветными вставками из бирюзы, сердолика, коралла (?) и перламутра. Интересно, что встречаются и подобные бляхи, выполненные в бронзе. Такая поясная бляха была найдена в женском погребении могильника Цаган-Хушун 2b, комплекс № 4 в Прибайкалье⁷¹.

Также и в Дырестуйском могильнике (погребение № 52), в котором были найдены пластины (согласно публикации – из «глинистого сланца») в захоронении

⁶⁵ Раев 2017, 301.

⁶⁶ Раев 2017, 302–303.

⁶⁷ Brosseder 2011, 359, fig. 6.

⁶⁸ Раев 2017, 293, рис. 1а.

⁶⁹ Раев 2017, 304.

⁷⁰ Килуновская, Леус 2017, 96, рис. 4, 20; 99 (здесь как пластины «из глинистого сланца»); 2018а, 128, 136, рис. 4, 2, 6; 2018б, 140, рис. 13; 141–142 (материал определен в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа как гагат).

⁷¹ Харинский 2014, 32, 34, рис. 8, 12.

женщины 18–20 лет. Они были найдены «ниже таза...; одна из них орнаментирована точечными зигзагообразными линиями и лежала орнаментом вниз. Другая пластина неорнаментирована, ее короткую сторону окаймляла двойная низка костяных бантикообразных бус, которая продолжалась и далее ниже колен»⁷². И пластина с геометрическим декором из Иволгинского могильника происходит из потревоженного погребения № 139, при этом кости скелета определены как женские (?)⁷³.

В погребении № 32 могильника Калы на Среднем Енисее гагатова пластина с углублениями для инкрустации была найдена со скелетами трех погребенных⁷⁴.

Вероятнее всего, также из гагата изготовлены пластины, найденные в женском погребении № 13 (в ногах), могильника Даодуньцзы в Северном Китае (в описании материала – «black polished stone»⁷⁵). В отличие от других пряжек у данных – углублений для инкрустации нет.

Лишь одна фрагментированная пряжка происходит из погребения мужчины около 50 лет, при этом она была найдена не *in situ*, в ограбленном погребении № 123 Дырестуйского могильника⁷⁶. На то, что рассматриваемые пластины в Забайкалье и на юге Сибири происходят в подавляющем большинстве случаев из женских погребений, обратила внимание У. Бросседер, указав на погребение № 123 Дырестуйского могильника как на исключение⁷⁷. Б.А. Раев, вероятно, считая это несущественным, данный факт не удостоил внимания.

Контекст находок гагатовых пряжек в Центральной Азии иной. Во-первых, здесь в погребениях найдено по две пластины. Во-вторых, пластины были найдены в воинских погребениях, и, в случаях с пластинами из погребений в курганах № 2 и 13 Кызылтепинского могильника, положение пряжек в могилах позволяло связывать их с портупейными ремнями⁷⁸, хотя высказываются сомнения по этому поводу и предполагается, что они могли быть поясными⁷⁹.

Следующий момент, на который до сих пор не обратили должного внимания, – материалы, использовавшиеся для инкрустации пряжек. Как уже отмечалось выше, точечные углубления на гагатовых пластинах из Тувы заполнены цветными вставками из бирюзы, сердолика, коралла (?) и перламутра. Пряжка из погребения № 6 могильника Каменка V на Среднем Енисее инкрустирована сердоликом и «белой пастой»⁸⁰. Мне не известно ни одного случая инкрустации таких пластин, найденных в Южной Сибири и Забайкалье, металлом.

⁷² Давыдова, Миняев 1993, 56, рис. 4, 2; Миняев 2007, 91, табл. 36, 1; Brosseder 2011, 359, fig. 7, 2–3.

⁷³ Давыдова 1996, 58, табл. 40, 3.

⁷⁴ Кузьмин 1988, 61, рис. 14, 34; 2011, 268, рис. 41, 34; Brosseder 2011, 360, fig. 8, 2; Раев 2017, 296, рис. 3, 2; 300.

⁷⁵ Kost 2014, 95, 207, nos. 10.15–16; pl. 89.

⁷⁶ Миняев 2007, 101, табл. 113, 8; Brosseder 2011, 360, fig. 9, 2; Раев 2017, 298, рис. 4, 4 (здесь с ошибочной ссылкой на табл. 36, 1); 300 (здесь с ошибочной ссылкой на табл. 113, 2).

⁷⁷ Brosseder 2011, 358; 364.

⁷⁸ Обельченко 1992, 42–43, 55–56.

⁷⁹ Пуясов, Rusanov 1998, 109; Ильясов 2015, 64.

⁸⁰ Пшеницына 1992, 232, табл. 94, 80; Раев 2017, 298, рис. 4, 1; 300.

Рассмотрим пряжки из Центральной Азии. Пряжка из кургана № 2 Кызылтепинского могильника инкрустирована бирюзой⁸¹. Каким материалом были инкрустированы оборотные стороны пластин из кургана № 21 могильника Жаман-Тагай на Средней Сырдарье, вопреки утверждению Б.А. Раева («Кажется, никто до А.Н. Подушкина не описывал тонкие отверстия с остатками металлических гвоздиков на обратной стороне пряжки как часть геометрического орнамента (Подушкин 2012: 42)»⁸², не известно. Ни слова об инкрустации металлическими гвоздиками нет ни в первой публикации⁸³, ни в статье А.Н. Подушкина⁸⁴, на которую ссылается Б.А. Раев. Он прав, критикуя А.Н. Подушкина за то, что тот ошибочно называет пластины из могильника Жаман-Тагай роговыми⁸⁵; в первой публикации они были названы пряжками «из смолы (?)».

Самая западная находка гагатовой пластины с инкрустацией из металла происходит из кургана № 13 Кызылтепинского могильника. Отмечается, что в углублениях имеются вставки из свинца (?) или олова (?)⁸⁶. Интересно, что вставками из сердолика, бирюзы, перламутра, а также серебряными и золотыми гвоздиками украшена поясная пряжка в форме овала со слегка вогнутыми длинными сторонами, прямым основанием и выпуклым внешним концом из многослойного рога, найденная в мужском погребении в катакомбе кургана № 3 могильника Культобе в Южном Казахстане⁸⁷. По мнению автора раскопок, погребенный – знатный воин сюнну⁸⁸.

Странно, что, публикуя пряжку и рассуждая о ее аналогиях и прототипах, А.Н. Подушкин не упоминает ее ближайшую аналогию по форме и декору. Это также роговая пряжка, найденная слева в районе пояса в женском (?) погребении (с мечом и кинжалом) № 10 кургана № 6 саргатского могильника Абатский-III в Приишимье на юге Западной Сибири. Поскольку пряжка опубликована только в прорисовке, приводим ее описание: «слева над подвздошной костью между локтем и ребрами обнаружена большая роговая бляха, украшенная серебряными гвоздиками, вбитыми крест-накрест. У прямоугольного края бляхи высверлены три отверстия, у закругленного – вырезан прямоугольный паз, сохранивший следы бронзовой пластинки в виде окислов. По краю бляхи проходит рельефный бортик, украшенный зигзагообразным узором, выполненным мелкими ямками. С тыльной стороны гладкая заполированная поверхность бляхи украшена гравированными изображениями семейства кошачьих, хищника, бегущего зайца и головы оленя»⁸⁹. Н.М. Матвеева датирует погребения этого могильника II–IV вв. н.э.⁹⁰, хотя единственная радиоуглеродная дата для этого могильника – 2280±110 ВР, т.е. примерно 370–150 гг. до н.э.⁹¹

⁸¹ Обельченко 1992, 42–43; Ilyasov, Rusanov 1998, 109–110, pl. 10, 1; Ильясов 2015, 64, илл. 1, цв. вклейка.

⁸² См. Раев 2017, 298, рис. 4, 5; 299.

⁸³ Максимова и др. 1968, 185–186, рис. 5; Ilyasov, Rusanov 1998, 109–110, pl. 10, 3.

⁸⁴ Подушкин 2012, 42.

⁸⁵ Раев 2017, 299, прим. 3.

⁸⁶ Обельченко 1992, 55–56.

⁸⁷ Подушкин 2012, 32–33, рис. 1, 5; 36–38; 40, рис. 5, 2.

⁸⁸ Подушкин 2012, 45–46.

⁸⁹ Матвеева 1994, 94, рис. 58, 8; 96; см. также Маслов 1999, 224, 234, рис. 2, 2.

⁹⁰ Матвеева 1994, 99–100; 2012, 70; 2017, 13.

⁹¹ Матвеева 2017, 13, рис. 5.

Таким образом, при всем сходстве гагатовых пластин-пряжек из Нижнего Поволжья и Южной Сибири и Забайкалья, очевидно, нельзя рассматривать поволжские находки как предметы, привезенные кочевниками из столь отдаленного региона, где они явно не выступали в качестве статусных предметов костюма знатных воинов, а были преимущественно элементами женского костюма; при этом, инкрустированы были бирюзой, сердоликом, перламутром, но не металлическими вставками. Лишь для находок из Центральной Азии (Бухарский оазис, среднее течение Сырдарьи) у нас есть свидетельства того, что такие пластины связаны с мужскими погребениями, будучи деталями портупейных или поясных ремней, и в этом регионе есть свидетельства использования не только сердолика, бирюзы и перламутра, но и металлических гвоздиков, которыми украшались как гагатовые, так и роговые бляхи. Наконец имеются свидетельства того, что такие пластины происходят из элитных комплексов.

Полагаю, что приведенные аргументы скорее позволяют рассматривать находки из погребений в Жутово и Питерке как предметы, проделавшие путь вместе со своими владельцами из Центральной Азии. Что касается пары роговых пластин из Верхнего Погромного, то, учитывая украшенные в аналогичной технике роговые пластины из могильников Культобе в Южном Казахстане и Абатский-3 на р. Ишим на юге Западной Сибири, их необязательно рассматривать как местное, выполненное в Поволжье подражание гагатовым пластинам – они также могут иметь центральноазиатское происхождение. Маловероятно, что это были подложки под металлические пластины⁹², тем более что они имеют декор в виде инкрустации.

1.4. *Р-образная золотая поясная пластина*

В погребении № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнее Погромное⁹³, которое датируют II – первой половиной I в. до н.э., была найдена золотая пластина Р-образной формы с изображением копытного (козла?) в профиль, с подогнутыми ногами⁹⁴. Перед животным изображена лапа хищника с двумя когтями. Бляха была сломана пополам и затем отреставрирована в древности с помощью медных скобок, скрепленных серебряными штифтами⁹⁵. Тело животного изначально украшали утраченные вставки (рис. 7, 2).

⁹² Ср. Раев 2017, 301.

⁹³ С нумерацией этого кургана происходит очевидная путаница. В некоторых изданиях он обозначен как курган № 1 (Cat. New York 1975, 125), в большинстве случаев – как курган № 2, в том числе в последних выставочных каталогах: Кат. Ст. Петербург 2008; Кат. Leoben 2009. Однако, в отчете В.П. Шилова – как курган № 5.

⁹⁴ Шилов 1956, 44; Артамонов 1973, 184; The Dawn of Art 1974, pl. 71; Манцевич 1976, 175–176, рис. 10, 3; Mantsevich 1982, 471; Damm 1990, 242; Kat. Hamburg 1993, 162, 236–237, Nr. 154; Cat. Daoulas 1995, 44, no. 62; Invenizzi 1999, 87, pl. 13, e; Королькова 2001, 82; 2008, 20, рис. 7; 21–23; 2017, 51; Мордвинцева 2003, 51, 63–64, 78, 85, № 45, 135, рис. 20; 2007, 200–201, 214 (здесь – как Р-образная бляха), 222 (здесь – как В-образная бляха); 227; 237; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 18, № А32.4, рис. 31; Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8; Korolkowa 2009, 47–50, Abb. 7; 52; Kat. Leoben 2009, 205, Nr. 69; Boardman 2010, 74, no. 349, pl. 46; Brosseder 2011, 383, 423, list 6e; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 8; 26, no. A-8.

⁹⁵ О ремонте и его интерпретации см.: Шилов 1956, 44; ср. Damm 1990, 242; Мордвинцева 2007, 222; Трейстер 2010б, 73–74, рис. 3.

Отмечается, что бляха была выполнена «в технике басмы с вторичной обработкой чеканом и резцом» и что на ее обороте «расположены крюк и массивная петля». Фотография оборотной стороны пряжки никогда не публиковалась (она имеется в отчете), на ней видно, что крюк находится в передней части: его торец виден и с лицевой стороны, а петля – на уровне бедра копытного, к которому она припаяна с оборота⁹⁶. В этой связи можно отметить, что золотые бляхи Р-образной формы из Сибирской коллекции, как правило, обозначаются С.И. Руденко как литые, на некоторых из них на оборотной стороне сохранились отпечатки ткани⁹⁷, свидетельствующие об их отливке методом *lost wax and lost textile*⁹⁸. Однако современные исследования показали, что некоторые из поясных пластин Сибирской коллекции не литые, а выполнены в технике басмы на деревянных матрицах, другие – способом чеканки⁹⁹. Впрочем, Е.Ф. Королькова подчеркивает, что «конструкция и техника этой бляхи своеобразна: единственная из всех поясных украшений такого типа, она выполнена в технике басмы и обработана чеканкой»¹⁰⁰.

На одной из парных блях со сценой терзания коня крылатым фантастическим зверем из Сибирской коллекции также имеется крючок с краю бляхи, а на оборотной стороне – четыре петли¹⁰¹.

По мнению Е.Ф. Корольковой, пластина датируется в широких рамках IV–II вв. до н.э.¹⁰², М.И. Артамонов указывал, что она не древнее II в. до н.э.¹⁰³ По своей форме пряжка – китайского типа II в. до н.э.¹⁰⁴ в декоре которой использованы касты со вставками в форме «кружков с крылышками»¹⁰⁵, характерные для золотых блях из Сибирской коллекции¹⁰⁶, а также для ювелирных изделий круга клада

⁹⁶ Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8.

⁹⁷ Rudenko 1962, 51, Taf. IV, 2. 5 = 63–64, XXIV, 4; 52, Taf. V, 2–3 = 63, XXIV, 1; 52–53, Taf. VII, 1. 7 = 63, XXIV, 3; 53, Taf. VIII, 3–8 = 64, XXV, 1.

⁹⁸ Rudenko 1962, 30–32; Bunker, Ternbach 1970, 41–43; Bunker 1988, 222–227; Linduff 2009, 90–96.

⁹⁹ Минасян, Шаблавина 2009, 246–250, рис. 4–5; Королькова 2012, 350; Минасян 2014, 230, рис. 88; 290–291, рис. 123; 404–407, рис. 158–159.

¹⁰⁰ Королькова 2008, 23; Korolkowa 2009, 52.

¹⁰¹ Salmony 1948, 323, fig. 3; Rudenko 1962, 53, Taf. VIII, 7–8; Артамонов 1973, 132–133, рис. 180; Damm 1990, 242, fig. 4; Rehm 1992, 45, fig. 20; Kat. Hamburg 1993, 160–162, Nr. 86; Schiltz 1994, 66–67, fig. 40; Kat. Bonn 1997, 245, Nr. 134; Invenizzi 1999, 87, pl. 13, c; Cat. Trieste 2001, 104, no. 58; Королькова 2008, 23–24; 2017, 51, 52, рис. 1; Кат. Ст. Петербург 2008, 88, № 9; Kat. Leoben 2009, 206–207, Nr. 70; Boardman 2010, 74, no. 348, pl. 46.

¹⁰² Королькова 2008, 20; Korolkowa 2009, 47.

¹⁰³ Артамонов 1973, 184.

¹⁰⁴ Bunker 1997, 45, 46, fig. A46; 260, no. 222; Brosseder 2011, 380–383, figs. 30–31, 33. В.И. Мордвинцева (2003, 51) пишет о том, что вещей этого круга в комплексах позднее IV в. до н.э. не встречается, что следует рассматривать как ошибочное утверждение.

¹⁰⁵ О кастах в форме «кружков с крылышками», see Salmony 1948, 321–326; Rehm 1992, 45; Королькова 2008, 21; 2017, 51.

¹⁰⁶ См., например, поясные пластины Р-образной формы со сценой терзания коня крылатым фантастическим зверем: см. выше прим. 101. Эти бляхи выполнены в технике чеканки: Минасян, Шаблавина 2009, 248, 250, рис. 5; Минасян 2014, 290–291, рис. 123; 407. – На бляхах с изображением терзания коня той же формы, но оконтуренных рамкой, эти касты выполнены явно в подражательной варваризованной манере: Rudenko 1962, 53, Taf. VIII, 5–6; Cat. Trieste 2001, 105, no. 61; Boardman 2010, 74, no. 350, pl. 47. – На так наз. эгрете в форме грифа, терзающего козла: Rudenko 1962, 56, Taf. XIX, 1–2; Артамонов 1973, 189–191, рис. 241; Schiltz 1994, 379, fig. 296; Кат. Ст. Петербург 2004, 48–49, № 50; Королькова 2008, 21, рис. 8; 2011, 5–14; 2017, 53–55, рис. 3; Засецкая, Минасян 2008, 47, рис. 6; Засецкая 2012а, 368, 381, рис. 10, 2. – На спиральной золотой гривне с

Окса в Бактрии¹⁰⁷, свидетельствующие о постахеменидской традиции, которую В.И. Мордвинцева определяет как «ахеменидский вариант полихромного звериного стиля»¹⁰⁸, а Е.Ф. Королькова – как «изделие восточного иранского круга»¹⁰⁹, указывая на стилистическую близость с изделиями из алтайских курганов, прежде всего Пазырыкского кургана № 2¹¹⁰.

Таким образом, есть все основания рассматривать находку из Поволжья как изделие, изготовленное на востоке; вещь, возможно, древнюю на момент погребения и, безусловно, статусную, о чем косвенно свидетельствует и попытка ее кустарного ремонта. Очевидно, что петля на оборотной стороне бляхи, скорее всего, изначальная, тогда как крюк, вставленный в пробитое в передней части бляхи отверстие, вероятно, также подвергался ремонту.

1.5. *Парные золотые пластины прямоугольной формы*

Парные поясные пластины прямоугольной формы были найдены в тайнике кургана № 3/1988 группы «Хапры» (рис. 7, 3)¹¹¹, фрагментированная пластина происходит из разрушенного погребения у с. Кочковатка (рис. 7, 1)¹¹². Назначение пластины из Кочковатки не совсем ясно, хотя большинство исследователей считают ее поясной. В сохранившемся нетронутым левом верхнем углу на обороте имеется расположенная горизонтально золотая пластинчатая петля, в которую в свою очередь вставлена еще одна петля зажима¹¹³, что дает основание поставить под сомнение указанное предположение.

Рассматриваемые пластины выполнены целиком из золота¹¹⁴, причем пластина из Кочковатки имеет основу, выполненную в технике тиснения штампом с оборотной стороны, а отдельные элементы изображения, такие, как голова зверя, его правая передняя нога, ухо, были изготовлены отдельно и припаяны к основе¹¹⁵. Пластины из Хапров также не литые, а выполнены предположительно тиснением¹¹⁶ или в технике басмы¹¹⁷. Таким образом, техника изготовления блях из Коч-

окончаниями в форме фигурок крылатых львов: Rudenko 1962, 23, 56, Taf. XVI; Артамонов 1973, 168–169, 172, рис. 221; Schiltz 1994, 382, fig. 302; Kat. Wien 1996, 219, Nr. 63.

¹⁰⁷ Damm 1990, 242–243.

¹⁰⁸ Мордвинцева 2003, 51, 78; Мордвинцева 2007, 227; 237.

¹⁰⁹ Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8.

¹¹⁰ Королькова 2017, 58.

¹¹¹ Cat. Daoulas 1995, 91, no. 114; Cat. Paris 2001, 178–179, no. 198; Мордвинцева 2003, 44, 90, № 74, рис. 30; 2007, 214, 225, 229, 238; Кат. Москва 2005, 14, № 1; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 100, № А322.1, рис. 41; Королькова 2008, 27–28, рис. 17; 2015, 171–172, илл. 10; Кат. Ст. Петербург 2008, 89, № 10; Korolkowa 2009, 56–57, Abb. 17; Kat. Leoben 2009, 208, Nr. 71; Засецкая 2010, 117, рис. 6, 4; 2011, 152, 154, рис. 76, б; 2012а, 361, № 14; 366, рис. 7; 2012б, 68–69, № 8; рис. 6; Brosseder 2011, 378, fig. 27; 379; 405, 418, list 2c, no. 1; 2013, 97, 99, Abb. 11; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 7; 25–26, no. А-7; Mordvintseva 2016, 388, 397, 416, pl. VI, 8.

¹¹² Городцов 1912, 23, рис. 18; Отчет Российского Исторического Музея 1916, 74, рис. 88; Граков 1950, 16–18, рис. 4; Яценко 2006, 243; Мордвинцева 2003, 34, 43, 51, 78, 87, № 57, рис. 22; 2007, 214, 219–220, 228, 238; Фирсов 2004, 167–171; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 120, № В16.1, рис. 33, табл. 53; Mordvintseva 2010, 196, no. 4, fig. 11, 3; 2016, 388, 397, 416, pl. VI, 6; Polosmak 2012, 286, fig. 6.

¹¹³ Фирсов 2004, 169, 172, рис. 1, в, ж–и.

¹¹⁴ У. Бросседер ошибочно считает их обтянутыми золотым листом (Brosseder 2011, 379).

¹¹⁵ Фирсов 2004, 167–172.

¹¹⁶ Королькова 2008, 207–208.

¹¹⁷ Засецкая 2012б, 68.

Рис. 7. Пластины поясные из золота. 1 – Могильник Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 1953/23; 2 – Кочковатка. Случайная находка, 1912 г. Москва, ГИМ, оп. Б–251-1. 3 – Могильник Хапры. Курган № 3/1988. Тайник. Азов, АИАПМЗ, инв. № 24444/1–2. Фото музеев

коватки и Хапров принципиально отличается от техники изготовления большинства поясных пластин Сибирской коллекции, отлитых в технике *lost wax and lost textile*, и парных золотых обувных пряжек из погребения IV в Тилля-тепе¹¹⁸, хотя среди поясных блях из Сибирской коллекции известны и образцы, изготовленные в технике басмы и чеканки (см. выше).

Известно, что у блях из Хапров имеются «на обороте пластинчатые петли для крепления ремня»¹¹⁹, однако, количество петель и их расположение не обозначены. Пластины были частью поясной гарнитуры, находки которой никогда не публиковались – все они были найдены в тайнике погребения № 5 кургана¹²⁰, в том числе золотой наконечник ремня с пастовыми вставками, золотой ложковидный наконечник, золотое кольцо, круглая железная пряжка, серебряные гвоздики. В этом же тайнике вместе с фрагментами бронзового котла были найдены и четыре вида золотых нашивных бляшек, в том числе бляшки в форме шестилепестковых розетт, в форме сплошных мерлонов и в форме ажурных бараньих головок¹²¹. И наконечник пояса в стиле клуазоне, напоминающий находку из Порогов, и бляшки позволяют датировать комплекс из Хапров достаточно уверенно – не ранее сере-

¹¹⁸ Nickman 2012, 84, 85, fig. 12.

¹¹⁹ Кат. Ст. Петербург 2008, 89, № 10.

¹²⁰ Гордин 1988, 23–24, рис. 101.

¹²¹ Ср. бляшки из Хохлача: Засецкая 2011, 197, 201, рис. 1026; 210, рис. 108, 3; 264, № 14. – Из тайника кургана у пос. Дачи: Беспалый 1992, 178, 179, рис. 3, 13; Кат. Ст. Петербург 2008, 109, № 26г.

дины – второй половины I в. н.э. Это, безусловно, не исключает того, что в этом пояском наборе могли быть использованы более древние поясные пряжки (у одной из которых был вырван с корнем шпенек и на его месте образовалось отверстие неправильной формы), которые в данном наборе использовались как поясные накладки, а пояс, вероятно, застегивался на кольцевидную железную пряжку.

В.И. Мордвинцева перечисляет признаки, сближающие пластины из Хапрров с пластинами Сибирской коллекции: «иконографическая схема изображения птицы с вихреобразной разверткой крыльев и хвоста, способ изображения ушей в виде треугольной вставки с завитком, хищных лап в виде листовидных отростков, форма глаза, змеиная чешуя в виде прочерченных полуколец, редкие отверстия на поверхности блях»¹²². Вместе с тем нельзя не отметить, что вставки в пластинах лишь имитируют бирюзу и выполнены из стекла (кроме этого, имеются вставки альмандина и коралла). Е.Ф. Королькова определяет бляхи из Хапрров как изделия, стилистические характеристики которых «тяготеют к центрально-азиатскому стилю», тогда как сами бляхи были изготовлены позднее блях Сибирской коллекции¹²³, при этом не совсем понятно, где, по мнению автора, могли быть изготовлены бляхи. К аналогичному выводу приходит и И.П. Засецкая, указывая, что «художественные черты звериного стиля сибирского и центральноазиатского происхождения» наиболее ярко среди произведений сарматского звериного стиля прослеживаются в изображениях на рассматриваемых золотых бляхах¹²⁴, в то же время предполагая возникновение образов «волков-драконов» на бляхах под влиянием «китайского искусства Центральной Азии» (именно так – М.Т.)¹²⁵ и сравнивая образы на пластинах из Хапрров и на флаконе из кургана Хохлач, отмечая их близость¹²⁶. Возможно, что использование альмандина в качестве вставок могло бы свидетельствовать об изготовлении пластин за пределами центрально-азиатского региона, во всяком случае, этот материал не характерен для украшения изделий Сибирской коллекции¹²⁷. Обращает, однако, на себя внимание то, что единственная вставка альмандина на одной из пластин в углу вставлена не в углубленный в тело пластины каст, как все остальные вставки, а в напаянный поверх изображения, и нельзя исключать, что это более позднее дополнение. Материал остальных вставок (коралл и стекло) использовался и в вещах из Сибирской коллекции. Таким образом, я не вижу весомых оснований считать пластины из Хапрров подражаниями изделиям из Центральной Азии, а не привезенным отсюда, пусть и более поздними, чем основной материал коллекции, а скорее синхронным подобным пластинам из Сидоровки.

По мнению В.И. Мордвинцевой, мужской персонаж на пластине из Кочковатки одет в одежду с расширяющимися книзу рукавами, что характерно для китайских изображений эпохи Хань, а его прическа сопоставима с буддийскими портретами Гандхары¹²⁸. Исследовательница отмечает, что на пряжке из Кочковатки «в соответствии с изобразительной системой Тилля-тепе антропоморфное изо-

¹²² Мордвинцева 2003, 44, 2007, 229.

¹²³ Королькова 2008, 27–28.

¹²⁴ Засецкая 2012а, 368.

¹²⁵ Засецкая 2010, 117.

¹²⁶ Засецкая 2011, 152.

¹²⁷ О вставках в вещах из Сибирской коллекции см. Rudenko 1962, 32–33; Мордвинцева 2003, 32.

¹²⁸ Мордвинцева 2003, 34, 2007, 220.

бражение не украшено вставками. Изображение выполнено в высоком рельефе, в некоторых деталях скульптурном. Тип бордюра на этой пряжке – ряд одинаковых вставок. Системе Тилля-тепе соответствуют также пропорции тела хищника, форма тела с изгибом в талии, листовидные вставки на бедре и самой высокой точке тела, ухо в виде вставки сердцевидной формы, вставка на пястной кости». Вместе с тем не вполне обычно фасовое изображение передней лапы и ее небольшие размеры. Форма крыла также не известна среди изображений этой группы. Возможно, эти детали свидетельствуют о более позднем происхождении бляхи из Кочковатки по сравнению с коллекцией Тилля-тепе»¹²⁹.

Предполагаемое центрально-азиатское происхождение пластины из Кочковатки подтверждает также изображение монголоидного персонажа в подобной одежде с широкими шароварами и расширяющимися книзу рукавами на золотой пряжке из Саксанохура¹³⁰, тогда как высокая прическа с шиньоном на затылке находит параллель на золотых портупейных пряжках из Порогов¹³¹. Поза льва с повернутой назад головой, выполненной практически в технике круглой скульптуры, сближает изображение на пластине из Кочковатки с изображениями львов на круглых бляхах пояса из погребения IV Тилля-тепе¹³².

Очень сложное исполнение пластины, сочетающее различные техники, также свидетельствует о ее вероятном происхождении из высокоспециализированной мастерской восточного торефта, при этом нельзя не отметить уникальную, не находящую параллелей, пятиугольную форму кастов бордюра бляхи. По мнению Н.В. Полосмак, сопоставившей изображение с вышивками на тканях из кургана № 20 Ноин-Улинского могильника, на пластине, также, как и на тканях, могли быть изображены сюнну¹³³.

1.6. *Ложечковидные окончания ремней*

Ложечковидные наконечники ремней рассматриваются в качестве восточных инноваций¹³⁴. Действительно, такие наконечники (или подвески) ремней (в некоторых случаях их определяют как «застежки»), гладкие или с декором в низком рельефе, передающем изображение стилизованных головок животных, были распространены в памятниках хунну в Забайкалье, Монголии и Южной Сибири

¹²⁹ Мордвинцева 2003, 43, 2007, 228; Mordvintseva 2010, 196, no. 4, fig. 11, 3.

¹³⁰ Kat. Zurich 1989, 52–53, Nr. 25; Маслов 1999, 222, 227; cf.: Ilyasov, Rusanov, 1998, p. 115, 116, 127. Curtis 2001, 307; Marshak 2002, 9, fig. 10; Cat. Miho 2002, 160 (ill.), 253, no. 214; Ilyasov 2003, 286, pl. III, 2; Jäger 2009, 77, pl. 17; Abdullaev 2008, 138, 139, fig. 4; Kat. Mannheim 2009, 343, Nr. 222; Brosseder 2011, 401, 424, list 9, no. 9; Gruber et al. 2012, 367, 368, fig. 22; Francfort 2014, 1553, 1554, fig. 2; Olbrycht 2015, 340.

¹³¹ Симоненко, Лобай 1991, 20–22, № 9a-b, рис. 11, 1–2; табл. 14–15; Kat. Schleswig 1991, 328, 404, Nr. 155b; Cat. Rimini 1995, 148, no. IV, 10; Cat. Milan 1995, 124, 198, no. 68; Simonenko 2001a, 230; 232, Abb. 23, 2–3; Мордвинцева 2003, 34, 43, 51, 73, 78, 94, № 106, рис. 40; 2007, 214, 220, 228, 238; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 73, № A234.6, табл. 38, рис. 50; Mordvintseva 2010, 197, no. 8, fig. 12, 7–8; Brosseder 2011, 401, 403, fig. 50, 21–22; 424, list 9, no. 7.

¹³² Sarianidi 1985, 150–154, pls. 88–97; 246–247, no. 4.2; Мордвинцева 2003, 12–13, 16, 83, № 10, рис. 5; Kat. Bonn 2010, 196–197, no. 107; Mordvintseva 2010, 183, fig. 5, 6; Brosseder 2011, 401, 404, fig. 51, 3–5; Francfort 2011, 302–304; Boardman 2012, 107–108, fig. 6; Peterson 2012, 7–18, pls. II–III; Schiltz 2015, 84–88.

¹³³ Polosmak 2012, 286–287.

¹³⁴ Мордвинцева 2011, 351; 2015, 117; Власкин и др. 2018, 61.

II–I вв. до н.э., встречаясь как в мужских, так и в женских погребениях (в литературе эти подвески чаще называют «ложечковидными»). При этом они изготавливались из бронзы, железа или рога; их лицевая сторона – выпуклая, обратная – вогнутая; на оборотной стороне имеется одна или две узкие перемычки¹³⁵. Специальное исследование таких предметов показало, что они встречаются в могилах с монетами «у-шу», выпускавшимися в Китае со 118 г. до н.э., и, следовательно, могут датироваться не ранее рубежа II–I вв. до н.э.¹³⁶

В Азиатской Сарматии встречаются бронзовые и железные наконечники ремней подобной формы в погребениях, датирующихся II–I вв. до н.э. Известна лишь пара наконечников, выполненных из золота, в погребениях рассматриваемого времени – в погребении № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнее Погромное (рис. 8, 1–2),¹³⁷ и один, более вытянутых пропорций, – в погребении № 1 в Косике (рис. 8, 4)¹³⁸. Второй наконечник (значительно меньшего размера), происходящий из погребения № 1 в Косике, вырезан из кости¹³⁹.

Близок к наконечнику из Косики по форме, размерам и пропорциям и золотой наконечник из датируемого первой половиной I в. н.э. погребения № 1 кургана № 28/1965 в Жутово (рис. 8, 3)¹⁴⁰, который находит параллель в маленьком бронзовом наконечнике из погребения № 1 кургана № 1 в Яшкулье (рис. 8, 7) (интересно, что происходящая из этого же погребения пара золотых наконечников отличается от них и по форме, и по дополнительному филигранному декору, при этом касты каплевидной формы были украшены вставками из пасты или эмали¹⁴¹) (рис. 8, 5–6). Еще три золотых наконечника были найдены в погребении первой половины I в. н.э. № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V¹⁴². Другие ложечковидные наконечники среднесарматского времени¹⁴³ представлены богато украшенными экземплярами из золота со вставками из эмали, стекла, перламутра, бирюзы¹⁴⁴.

Рассматриваемые наконечники отличаются как размерами и соотношением длины втулки и окончания, так и оформлением окончания. Находки из Верхнего Погромного самые короткие из золотых наконечников без дополнительного декора, при этом окончания у них имеют вид небольших скругленных на концах

¹³⁵ Кузьмин 1988, 70, рис. 13, 22–32; 77; Давыдова 1996, табл. 8, 3, 4, 7; 13, 5; 23, 16; 51, 4–7; 53, 1–2; Миняев 2007, 36, 37, рис. 18, 31–34; табл. 12, 15–16; 47, 4; 50, 5–8; 57, 12–13; 63, 3–5; 67, 10–11; Кунгурова, Оборин 2013, 131–132, рис. 9; Кат. Ст. Москва 2014, 63; Харинский 2014, 32, 34, рис. 8, 4–6; Тетерин 2015, 53; Тишкин, Матренин 2017, 76, рис. 1, 9; 80–81, Килуновская, Леус 2018б, 143, 144, рис. 16, 11–13.

¹³⁶ Кунгурова, Оборин 2013, 132.

¹³⁷ Гос. Эрмитаж, инв. 1953/4–5. Названы автором раскопок «оправами кисточек ворворки» (Шилов 1956, 43–44).

¹³⁸ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 3; 159; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 5.

¹³⁹ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 4; 159.

¹⁴⁰ Мордвинцева 1999, 42, рис. 1, 6, 6 (в составе парадной конской сбруи); Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 2.

¹⁴¹ Otchir-Goriaeva 2002, 359, Abb. 6, 3–4; 360.

¹⁴² Мыськов и др. 1999, 150, № 13, рис. 6, 5–7; Кияшко, Мыськов 2000, 47, № 13; Мордвинцева, Хабарова 2006, 124, № 172.

¹⁴³ См. в целом: Otchir-Goriaeva 2002, 372–374, Abb. 11; Власкин и др. 2018, 61.

¹⁴⁴ См., например, находки из погребения в Порогах: Симоненко, Лобай 1991, 49–52, фото 16, 3–4; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 1, 3; Симоненко 2015, 72, рис. 20, 5–6. – Яшкуль: Otchir-Goriaeva 2002, 359, Abb. 6, 3–4; 360.

Рис. 8. Ложечковидные наконечники ремней. 1–2 – Могильник Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ. 1 – инв. № 1953/4, 2 – инв. № 1953/3; 3–4 – Астрахань, АГОИАМЗ. 3 – Могильник Жутово. Курган № 28/1965, инв. № 12307, 4 – Косика. Погребение № 1/1984, инв. № 35536; 5–7 Яшкауль. КВЧ-37. Курган № 1/1988. Погребение № 1. Элиста, НМРК, 5 – инв. № 7653/3; 6 – инв. № 7653/4; 7 – инв. № 7652/7. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015.

выступов, а большую часть наконечников занимает втулка. Наконечники из Косики, Жутово и бронзовый – из Яшкуля имеют более вытянутые пропорции, втулка занимает менее трети общей длины, а слегка выгнутые окончания плавно расширяются к концам. От этих наконечников отличаются три золотых наконечника из могильника Октябрьский-V. Они представляют собой относительно короткие трубочки, свернутые из листа, у которых примерно половина срезана продольно по длине – таким образом, втулка занимает примерно половину трубочки, окончание прямое (не выгнутое), край слегка скруглен¹⁴⁵. В целом, совершенно ясно, что металлические наконечники ремней из погребений Азиатской Сарматии отличаются от материалов из Южной Сибири и Забайкалья как конструкцией, так и способом изготовления¹⁴⁶.

Мне также неизвестно среди находок из Азиатской Сарматии ни одного образца с рельефным декором. Самой западной находкой такого наконечника с рельефным декором является предмет, найденный в частично ограбленном погребении № 9 кургана № 6 могильника Абатский-III¹⁴⁷ (в соседнем погребении была найдена роговая пряжка с серебряными вставками, о которой писалось выше). Костяные наконечники обнаруживают большую близость, в чем, собственно, нет ничего удивительного – они представляли собой отрезок трубчатой кости, срезанный под углом¹⁴⁸.

В целом говорить о том, что ложечковидные подвески, найденные в погребальных комплексах Азиатской Сарматии, являются предметами, которые мигранты с востока привезли с собой из Южной Сибири, на мой взгляд, оснований нет. Значительно больше оснований рассматривать их в качестве прототипов или аналогий дают находки более близких по форме и технике изготовления предметов из Центральной Азии, на что уже обращалось внимание¹⁴⁹. Они представлены находками в могильниках Бактрии¹⁵⁰. В частности, это два наконечника ремней, найденных в кургане № 37/1974 могильника Бишкент-V, датирующегося в рамках II–I вв. до н.э.¹⁵¹ Они происходят из погребения мужчины-воина с длинным мечом слева от костяка и с кинжалом с волютообразным навершием – у правого бедра, при этом наконечники, судя по их положению в погребении, были связаны с ремнями, на которых крепился кинжал¹⁵². Четыре аналогичных наконечника из латуни и железа были найдены в мужских погребениях Тулхарского могильника, синхронного могильнику Бишкент-V¹⁵³. В одном случае, в кургане VII, 14, железный ложечковидный наконечник был найден у правого бедра погребенного, рядом с которым находился железный кинжал с волютообразным навершием¹⁵⁴. Анало-

¹⁴⁵ Мыськов и др. 1999, 150, № 13, рис. 6, 5–7; Кияшко, Мыськов 2000, 47, № 13; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 4; Мордвинцева, Хабарова 2006, 124, № 172.

¹⁴⁶ Ср. Скрипкин 2019, 23, рис. 4, 10–14; Власкин и др. 2018, 60–61, рис. 3, 8.

¹⁴⁷ Матвеева 1994, 93, 94, рис. 58, 21; 99–100.

¹⁴⁸ Ср., например, костяные наконечники из Косики (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 4; 159) и могильника Ала-Тей I (Килуновская, Леус 2018б, 144, рис. 16, 13).

¹⁴⁹ Otchir-Goriaeva 2002, 372.

¹⁵⁰ Горбунова 2001, 141, рис. 8, 2.

¹⁵¹ Медведская 1979, 122; ср. Горбунова 2001, 143.

¹⁵² Медведская 1979, 115, 116, рис. 1; Otchir-Goriaeva 2002, 372, 373, Abb. 11, 15.

¹⁵³ Мандельштам 1966, 116–117, табл. XLV, 12–15.

¹⁵⁴ Мандельштам 1966, 46, 47, рис. 24.

гичный золотой наконечник был найден в женском погребении кургана XVI,1 в средней части груди погребенной, рядом с золотой пряжкой¹⁵⁵.

2. УКРАШЕНИЯ

2.1. Серьги с подвесками в виде амфорок с ручками в форме дельфинов и дополнительными подвесками

К редким находкам серег восточных типов относится найденная в погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника пара амфоровидных подвесок. Они имеют высокое цилиндрическое горло; яйцевидной формы тулово спаяно по вертикальной оси из двух половинок и украшено внизу пирамидкой из четырех полых шариков с зернью. Изогнутые ручки в форме дельфинов из массивной проволоки круглого сечения с припаянными плавниками и головками напаяны сверху на горизонтальные пластинки треугольной формы, которые, в свою очередь, припаяны к круглой пластинчатой петле для подвешивания. Амфорки имеют дополнительные подвески в виде шести цепочек «8-loop-in-loop», на колечках, припаянных к нижней части горла амфорок, заканчивающихся проволочками с обмоткой и с пирамидкой из четырех маленьких шариков зерни на конце, на которые надеты четырехлепестковые полураскрытые бутоны с цилиндрическими пастовыми пронизями черного или белого цвета внутри; лепестки бутонов украшены по краям напаянной рубчатой проволокой (рис. 9, 1)¹⁵⁶.

Амфоровидные подвески из Калиновки находят параллели среди серег из Таксилы, датирующихся III–II вв. до н.э.¹⁵⁷ Однако ручки амфорок на серьгах из Пакистана плоские, а цепочки с подвесками крепятся к колечкам, припаянным к ручкам. Хотя амфоровидные подвески из могильников Бишкентской долины Южного Таджикистана, датирующихся I в. до н.э. – II в. н.э.¹⁵⁸, имеют тулова, выполненные из стеклянной пасты, их ручки в форме дельфинов чрезвычайно близки по деталям исполнения ручкам подвесок из Калиновки. У подвески с дельфиновидными ручками из храма Окса в Тахти-Сангин тулово амфорки выполнено целиком из сердолика¹⁵⁹. На единственной серьге из Тулхарского могильника, на которой сохранились цепочки¹⁶⁰, они подвешены к колечкам, припаянным к нижней части

¹⁵⁵ Мандельштам 1966, 68, табл. LX, 10.

¹⁵⁶ Шилов 1956, 42; 44 (рис.); 1959, 463, рис. 51; 1975, 142; Treister 2004, 308–309, fig. 6; 313, no. 1; Treister 2007a, 130; Мордвинцева, Treister 2007, т. 2, 37, № А101.3, табл. 11; 29; Кат. Ст. Петербург 2008, 91, № 12; Kat. Leoben 2009, 210–211, Nr. 73.

¹⁵⁷ Marshall 1951, 620–623, no. 1, pl. 190; Chandra 1979, 44, pl. XI, a; Treister 2004, 306–307; Treister 2007a, 130; Belaňová 2016, 118–121, figs. 4–5. Подобные серьги, приобретенные в Равалпинди, Пакистан, хранятся в Музее Фитцвилляма в Кембридже: WAE.1970.8-9. Acc. No. E.8-9.1970. Дар Миссис С.Г. Керрингтон. Автор благодарен Л. Берн (Кембридж) за возможность ознакомиться с серьгами. Аналогичные серьги хранятся и в Музее Михо: Cat. Miho 2002, 135 (ill.); 250, no. 188, e–g.

¹⁵⁸ См, например, золотые серьги из курганов Тулхарского могильника: Мандельштам 1966, 124–126, табл. LIX, 1–5. 7–8; Артамонов 1973, 20, рис. 12; Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29 = Cat. Venice 1993, no. 28. – Могильник Иттифок: Kat. Zürich 1989, 59, Nr. 31 = Cat. Venice 1993, no. 30; Guerra et al. 2009, 178, 179, fig. 2e. – Могильник Арактая: Мандельштам 1975, 52; 167, табл. XVIII, 23.

¹⁵⁹ Kat. Mannheim 2009, 360, Nr. 251 (I–II вв. н.э.).

¹⁶⁰ Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29; Cat. Venice 1993, no. 28; Горбунова 2001, 142, рис. 9, 2. О вероятной датировке серег Тулхарского могильника в пределах конца II – I в. до н.э., см. Горбунова 2001, 143.

ручек, как на серьгах из Таксилы. В то же время бутоны, подвешенные к цепочкам на серьге из Тулхарского могильника, чрезвычайно близки бутонам, украшающим цепочки подвесок из Калиновки. Аналогичные бутоны мы наблюдаем также на серьгах с амфоровидными подвесками из могильника V в Бишкентской долине¹⁶¹ и на одной из подвесок, хранящихся в Музее Михо¹⁶². Кроме того, подобные бутоны украшают цепочки серег, найденных в Тулхарском могильнике (другого типа – со щитком в форме орла)¹⁶³. Таким образом, есть основания предположить центрально-азиатское происхождение подвесок из Калиновского могильника.

2.2. *Браслеты и гривна*

Среди прочего богатого инвентаря в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника была найдена пара золотых спиральных 8-витковых браслетов из круглого в сечении прута с концами в форме рельефного изображения лежащей с подогнутыми ногами лосихи¹⁶⁴. Один из браслетов сохранился полностью (рис. 9, 4), второй – с утраченной центральной частью – образует два витка, концы соединены при помощи загнутых петель (рис. 9, 2)¹⁶⁵. Е.Ф. Королькова отмечает архаичность оформления концов браслетов и сопоставляет их с оформлением концов гривны из скифского кургана IV в. до н.э. Соболевой могилы¹⁶⁶, при этом в выставочном каталоге браслет датируется первой половиной I в. н.э.¹⁶⁷

Из этого же погребения происходит гривна из круглого в сечении прута с расширяющимися концами, один из которых утрачен (рис. 9, 3)¹⁶⁸. Есть все основания предполагать, что и гривна изначально была многовитковой. Гривны с расширяющимися концами (вместе с подобным образом оформленными браслетами) встречаются в Бактрии и в Парфии, в частности, в Тилля-тепе¹⁶⁹, в кладях из Таксилы¹⁷⁰, Дальверзин-тепе¹⁷¹ и в кладе IV из коллекции Музея Гетти¹⁷².

Спиральный браслет в четыре оборота из массивного круглого в сечении дрота, украшенный на концах сценами нападения кошачьего хищника на оленя (рис. 9, 5),¹⁷³ происходит из погребения № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнего Погромное, где он был в сурковине вместе с другими частично рассмотренными

¹⁶¹ Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29; Cat. Venice 1993, no. 28; Guerra et al. 2009, 178, 179, fig. 2a.

¹⁶² Cat. Miho 2002, 135 (ill.); 250, no. 188, e.

¹⁶³ Мандельштам 1966, 16; 127, табл. LIX, 6; Артамонов 1973, 20, рис. 13; Горбунова 2001, 142, рис. 9, 1.

¹⁶⁴ В первой публикации ошибочно указано, что на концах браслета изображена «лосиха, терзаемая хищником».

¹⁶⁵ Шилов 1959, 463–464, рис. 51; Артамонов 1971, 56; Cat. Daoulas 1995, 44, no. 64; Королькова 2001, 70–71, рис. 3, 4; 2008, 19, рис. 5; Кат. Ст. Петербург 2008, 90, № 11; Korolkowa 1995, 46–47, Abb. 5; Kat. Leoben 2009, 209, Nr. 72.

¹⁶⁶ Королькова 2008, 19; Korolkowa 2009, 46–47.

¹⁶⁷ Кат. Ст. Петербург 2008, 90, № 11; Kat. Leoben 2009, 209, Nr. 72.

¹⁶⁸ Шилов 1959, 463, рис. 51.

¹⁶⁹ Погребение № 3: Sarianidi 1985, 238, no. 3.16.

¹⁷⁰ Marshall 1951, 635–636, nos. 144–146, pl. 195, h. k.

¹⁷¹ Rougatchenkova 1978, 98, рис. 76.

¹⁷² Pfrommer 1993, 58, no. 89.

¹⁷³ Шилов 1956, 44; Артамонов 1971, 55–56; Charrière 1974, Abb. 97; Cat. New York 1975, 124–125, no. 162; Kat. Hamburg 1993, 234–235, Nr. 153; Cat. Daoulas 1995, 44–45, no. 61; Королькова 2001,

здесь предметами. По мнению М.И. Артамонова, стилистически браслет близок произведениям из Сибирской коллекции, датируемым им III–II вв. до н.э., а сам браслет «восходит не к сибирским, а среднеазиатским образцам»¹⁷⁴. Е.Ф. Королькова, определявшая в свое время (вслед за М.И. Артамоновым) браслет как сарматскую реплику среднеазиатского стиля¹⁷⁵, в настоящее время считает, что стилистически ближайшие параллели браслету (как и поясной бляхе) имеются на изделиях из Пазырыкского кургана № 2, отмечая, в частности, что «на кожаной фигурке лося из 2-го Пазырыкского кургана рог оконтурен двойной линией, образующей небольшой рельеф; глаз животного приобретает подтреугольную форму, что полностью совпадает с деталями изображения оленя на браслете из Верхнего Погромного»¹⁷⁶. Впрочем, отмеченная близость не мешает датировке браслета в выставочном каталоге II–I вв. до н.э.¹⁷⁷

Спиральные гривны и браслеты изображены у воинов на каменных стелах из святилищ Байте III и Карамунке на плато Устюрт¹⁷⁸ и у персонажа на фаларе из Янчокракского клада¹⁷⁹. Изображения многовитковых гривен, в некоторых случаях с зооморфными окончаниями, мы встречаем на мужских портретах на фресках из Акхакан-Калы в Хорезме, датированных около середины I в. до н.э.¹⁸⁰ Подобные же многовитковые гривны изображаются на портретах парфянских царей на монетах, датирующихся преимущественно I в. до н.э.¹⁸¹ Находки спиральных золотых гривен и браслетов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии¹⁸² II–I вв. до н.э. хорошо известны. В частности, гарнитур из двух таких браслетов (на запястьях рук) и гривны на шее (все в 4,5 оборота) был найден в женском погребении № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III¹⁸³, а браслет – в воинском погребении в Володарке в Западном Казахстане. И в том, и в другом случае в погребениях были найдены драгоценные предметы предположительно парфянского происхождения – фалары – в Володарке, чаша – в Майеровском. Эти браслеты не имеют фигурных окончаний, в отличие от найденных в Поволжье многовитковых браслетов из разрушенного погребения у с. Саломатино: семивитковый с окончанием в форме синкретического существа (козла с хвостом хищника

91–92, рис. 14, 2; 2008; Кат. Ст. Петербург 2008,80, № 3; Korolkowa 2009, 47, Abb. 6; Kat. Leoben 2009, 198–199, Nr. 64.

¹⁷⁴ Артамонов 1971, 55.

¹⁷⁵ Королькова 2001, 92.

¹⁷⁶ Королькова 2017, 58.

¹⁷⁷ Кат. Ст. Петербург 2008,80, № 3; Kat. Leoben 2009, 198, Nr. 64.

¹⁷⁸ Ольховский 2005, 145, рис. 142, 146; Самашев и др. 2007б, 233–235, 242–243, 249, 255, 257, 259–261.

¹⁷⁹ Спицын 1909, 28, № 1, рис. 81; Гущина 1969, 44–45, рис. 1, 1; 49; Mordvinceva 2001, 79, Nr. 69, Taf. 37; Засецкая 2011, 94–95, рис. 43а; 2016, 94, 104, табл. 2, 1.

¹⁸⁰ Yagodin et al. 2009, 20, figs. 6, 7, 10, 13; Kidd, Betts 2010, 657–658, fig. 7; Kidd 2011, 246–249, fig. 5; Kidd et al. 2012, 112–113, fig. 5.5.

¹⁸¹ Yagodin et al. 2009, 20: 127 г. до н.э. – 2 г. н.э. Ср. Kidd et al. 2012, 113: ок. 88 г. до н.э. – 2 г. н.э.

¹⁸² См.: Skvorcov, Skripkin 2006, 262; Скворцов, Скрипкин 2008, 104. Например, золотой спиральный многовитковый браслет из Володарки: Самашев и др. 2007а, 45; Гуцалов 2011, 21, 26, рис. 8, 2; Гуцалов, Марыксин 2011, 198, № 2; 200, рис. 6, 2; Трейстер 2011, 90, 94, рис. 3, 2; Gutsalov 2012, 41, 42, fig. 7, 2.

¹⁸³ Браслеты: Skvorcov, Skripkin 2006, 256, Nr. 9–10; 258, Abb. 11, 1. 3; 13, 2–3; Скворцов, Скрипкин 2008, 101, № 9–10, рис. 6.И, 9–10; 10, 1. 3; 17, 1. – Гривна: Skvorcov, Skripkin 2006, 258, Abb. 13, 1; 259, Nr. 23; 260, Abb. 16, 3; Скворцов, Скрипкин 2008, 103, № 23, рис. 6.И, 23; 13, 3; 17, 1.

Рис. 9. Золотые украшения. Санкт-Петербург, ГЭ. 1–4 – Могильник Калиновский. Курган № 55/1954. Погребение № 8. 5 – Могильник Верхнее Погромное. 1 – инв. № 2206/57, 2 – инв. № 2206/53, 3 – инв. № 2206/51, 4 – инв. № 2206/52, 5 – инв. № 1953/1. 1 – фото М.Ю. Трейстер, 2002; 2–5 – фото ГЭ.

и мордой кабана) и трехвитковый с головкой барана¹⁸⁴, которые И.П. Берхин (Засецкая) датировала в рамках I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁸⁵ Пара многовитковых браслетов, у одного из которых на прут были насажены наконечники в форме головок барана, происходит из погребения № 2 кургана № 3/1970 у с. Черный Яр. Это погребение не опубликовано, браслеты изданы в выставочном каталоге с датировкой IV–III вв. до н.э.¹⁸⁶, что представляется очень сомнительным, особенно в связи с тем, что перстни из этого погребения¹⁸⁷ обнаруживают близость к одному из перстней, найденному в упомянутом выше погребении могильника Майеровский-III¹⁸⁸.

ВЫВОДЫ

Очевидно, что называть поясные накладки с решетчатым декором, найденные в Нижнем Поволжье (находки из Кривой Луки, Косики и Питерки), «ордосскими бляхами» невозможно, хотя так же очевидно, по крайней мере, в случае с пряжкой из Кривой Луки, что в качестве прототипов ее декора действительно выступали поясные пластины, получившие распространение в Монголии и Забайкалье. Пряжки и поясные накладки с изображением лежащего верблюда и нападения тигра на верблюда нельзя рассматривать как предметы восточного импорта, откуда бы он не происходил, тем более что точных сюжетных параллелей нет ни в Сибири, ни в Северном Китае, а поясные пластины Ордоса и Южной Сибири были именно накладками на пояс, а не пряжками, т.е. не имели боковых крючков. При несомненном восточном влиянии на сам принцип ажурного изображения в прямоугольной рамке и в определенной степени сюжетов, породивших моду у кочевников на такие предметы, есть все основания предполагать, что сами пряжки могли изготавливаться в различных областях Азиатской Сарматии, в том числе и в Центральной Азии, и в Нижнем Поволжье, и в Нижнем Подонье.

При всем сходстве гагатовых пластин-пряжек из Нижнего Поволжья и Южной Сибири и Забайкалья очевидно, что нельзя рассматривать поволжские находки как предметы, привезенные кочевниками из столь отдаленного региона, где они явно не выступали в качестве статусных предметов костюма знатных воинов, а были преимущественно элементами женского костюма (при этом, инкрустированы были бирюзой, сердоликом, перламутром, но не металлическими вставками). Лишь для находок из Центральной Азии (Бухарский оазис, среднее течение Сырдарьи) у нас есть свидетельства того, что такие пластины связаны с мужскими погребениями, будучи деталями портупейных или поясных ремней, и в этом регионе есть свидетельства использования не только сердолика, бирюзы и перламутра, но и металлических гвоздиков, которыми украшались как гагатовые, так и

¹⁸⁴ Берхин 1959, 38–41; Артамонов 1971, 54–55 (с датировкой II–I вв. до н.э.); Cat. Daoulas 1995, 44, 47, no. 65; Королькова 2001, 81, 91, рис. 15; 2008, 16–19, рис. 2–3; Засецкая 2008, 29–31, рис. 1–2; Кат. Ст. Петербург 2008, 78–79, № 1–2; Korolkowa 2009, 45–46, Abb. 2–3; Sassetzkaja 2009, 58–59, Abb. 1–3; Kat. Leoben 2009, 196–197, Nr. 62–63.

¹⁸⁵ Берхин 1959, 38.

¹⁸⁶ Cat. Rome 2005, 95, no. 29; 98–99, no. 37; Мордвинцева 2011, 348.

¹⁸⁷ Cat. Rome 2005, 97, nos. 35–36.

¹⁸⁸ Skvorcov, Skripkin 2006, 256, Nr. 11; 258, Abb. 11, 2; 12, 1; Скворцов, Скрипкин 2008, 101–102, № 12, рис. 6.П, 12; 10, 4; 17, 2.

роговые бляхи. Наконец, имеются свидетельства, что такие пластины происходят из элитных комплексов. Полагаю, что приведенные аргументы скорее позволяют рассматривать находки из погребений в Жутово и Питерке как предметы, проделавшие путь вместе со своими владельцами из Центральной Азии. Что касается пары роговых пластин из Верхнего Погромного, то, учитывая украшенные в аналогичной технике роговые пластины из могильников Культобе в Южном Казахстане и Абатский-3 на р. Ишим на юге Западной Сибири, их также необязательно рассматривать как местное, выполненное в Поволжье, подражание гагатовым пластинам. Они могут иметь центральноазиатское происхождение, и их вряд ли следует рассматривать как подложки под металлические пластины¹⁸⁹, тем более что они имеют декор в виде инкрустации.

Утверждать, что ложечковидные подвески или наконечники ремней, найденные в погребальных комплексах Азиатской Сарматии, являются предметами, которые мигранты с востока привезли с собой из Южной Сибири, на мой взгляд, оснований также нет. Значительно больше оснований рассматривать их в качестве прототипов или аналогий дают находки более близких по форме и технике изготовления предметов из Центральной Азии, представленных находками в могильниках Бактрии.

Также, скорее всего, центральноазиатского происхождения некоторые золотые ювелирные изделия и поясная бляха, происходящие из двух погребений в Нижнем Поволжье.

Одно из них – неограбленное, женское погребение № 8 в кургане № 55/1954 Калиновского могильника. Если относительно многовитковых браслетов из этого погребения высказывались различные точки зрения об их происхождении (от связи с украшениями Сибирской коллекции до стилистической близости оформлению гривны из скифского кургана Соболева Могила в Приднепровье), то центральноазиатское происхождение серег и гривны более чем вероятно. Отметим, что в древности были утрачены часть гривны и центральная часть одного из браслетов, при этом два сохранившихся фрагмента браслета были соединены между собой кустарным способом. Данное погребение интересно тем, что, наряду с явно бывшими долго в употреблении массивными золотыми украшениями, в нем была найдена литая полусферическая чаша зеленовато-желтого полупрозрачного стекла с вертикальными каннелюрами и 8-лепестковой розеткой на донце¹⁹⁰, вероятнее всего, сиро-палестинского производства конца II – первой половиной I в. до н.э., а также бронзовые италийские сосуды позднеереспубликанского времени, позволяющие датировать погребение в рамках середины – второй половины I в. до н.э.¹⁹¹

Второе – погребение № 2 в кургане № 5/1954 у с. Верхнее Погромное, которое датируют II – первой половиной I в. до н.э., никогда подробно не публиковалось, что приводит к путанице в его интерпретации. В короткой информации, изданной В.П. Шиловым в 1956 г., отмечалось, что это было «полностью разграбленное» погребение, при этом и в засыпи могилы, и в сурковине было найдено очень много

¹⁸⁹ Ср. Раев 2017, 301.

¹⁹⁰ Шилов 1959, 487, рис. 57, 9; 488 – ошибочно указано, что розетка 7-лепестковая; Кропоткин 1970, 101, № 897, рис. 74, 10; Mačenko, Limberis 2008, 299; Трейстер 2019, 260–261, рис. 1.

¹⁹¹ Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 36–37, № А101 с лит.

находок из золота и серебра, в том числе массивные серебряные чаши, золотые поясная бляха и браслет и т.д. Такое богатство находок дало основание В.И. Мордвинцевой предполагать, было ли погребение действительно ограбленным или это был кенотаф¹⁹². Несмотря на то, что В.И. Мордвинцева ссылаясь на отчет, в самом отчете указано, в частности, что на дне погребения найден обломок кости голени¹⁹³ – таким образом, это не был кенотаф. Вероятно, называть погребение «полностью ограбленным» также некорректно – можно только представить себе, что могло находиться в этом погребении, если грабители оставили в могиле столь ценные вещи. Так или иначе, пол погребенного нам не известен. Здесь вместе с серебряными чашами восточно-средиземноморского типа (селевидской?) работы были найдены поясная бляха и браслет, обнаруживающие стилистические связи между собой и обладающие признаками, позволяющими относить бляху к кругу изделий центрально-азиатской, бактрийской (?), работы. По мнению Е.Ф. Корольковой, данные предметы свидетельствуют о близости к некоторым художественным изделиям из Пазырыкского кургана № 2 на Алтае. Как и в Калиновском погребении, один из этих предметов – поясная бляха – дошла до нас с утратой и следами древнего кустарного ремонта.

Таким образом, проведенный анализ археологических материалов не дает оснований говорить о попадании изделий южно-сибирского (забайкальского) происхождения в погребения кочевников Азиатской Сарматии. Вместе с тем очевидно, что в некоторых погребениях Нижнего Поволжья, датирующихся в рамках конца II–I в. до н.э., встречаются отдельные предметы, как правило, статусного облика (массивные золотые украшения: гривны и браслеты, поясные пластины), в большинстве своем с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, которые можно рассматривать как предметы, привезенные кочевниками из Центральной Азии, хотя нельзя исключать и роль межплеменных браков элиты кочевников в распространении таких вещей, тем более что по крайней мере часть из них в Поволжье была найдена именно в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 у с. Калиновка. В некоторых случаях можно также говорить об определенных восточных влияниях в оформлении поясных пряжек, чем-то похожих на отдаленные прототипы из Монголии и Забайкалья. В целом есть все основания для предположения о миграции какой-то группы (групп) кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможном участии в событиях, связанных с падением Греко-Бактрийского царства. Судя по количеству предметов, рассмотренных в этой статье, число мигрантов не было значительным, что соответствует и наблюдениям других исследователей, основанных на анализе погребального обряда¹⁹⁴. Замечу, что для рассматриваемого времени имеются лишь редчайшие примеры того, как вещи попадали с запада на восток (вероятно, также через евразийские степи). Однако рассматривать перемещение указанных выше предметов с востока на запад и с запада на восток как отражение экономических связей по Шелковому пути, как я уже отмечал в других работах¹⁹⁵, не приходится.

¹⁹² Мордвинцева 2007, 200–201.

¹⁹³ Шилов, Отчет 1954, 11.

¹⁹⁴ Ср., например, Берлизов 2014, 60–68.

¹⁹⁵ Трейстер 2014, 145–146; Treister 2016, 86–87;

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М. 1998: Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля. *УАВ* 1, 121–137.
- Артамонов, М.И. 1971: Вопросы хронологии скифо-сибирского золота. *СА* 3, 40–57.
- Артамонов, М.И. 1973: *Сокровища саков*. М.
- Берлизов, Н.Е. 2014: Феномен среднесарматской культуры и проблема миграции из Центральной Азии. *Вестник РУДН, серия Всеобщая история* 4, 60–68.
- Берхин, И.П. 1959: Сарматское погребение у с. Саломатина. *СГЭ* XV, 37–41.
- Беспалый, Е.И. 1992: Курганы сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175–190.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка* (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2). Ростов-на-Дону.
- Богданов, Е.С. 2006: *Образ хищника в пластическом искусстве кочевников народов Центральной Азии*. Новосибирск.
- Богданова-Березовская, И.В. 1975: Химический состав металлических предметов из Арауктаусского, Коккумского и Бабашовского могильников. В кн.: Мандельштам, А.М., 193–202.
- Вайнберг, Б.И. Юсупов, Х.Ю. 1992: Кочевники Северо-Западной Туркмении. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время* (Археология СССР). М., 122–129.
- Вдовченко, Е.В. 2016: *Этносоциальная история сарматов Нижнего Подонья*: дисс. ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону.
- Власкин, М.В., Глебов, В.П., Кузьмин, В.Н. 2018: Ритуальный клад из кургана 1 могильника Рестумов II в Ростовской области. *НАВ* 17.2, 58–69.
- Глебов, В.П. 2016: Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. В кн.: *Константин Федорович Смирнов*, 69–79.
- Глебов, В.П., Бабешко, И.Г. 2012: Раннесарматское погребение с зооморфной пряжкой из могильника Красногоровка III. В кн.: А.А. Горбенко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* Вып. 26. Азов, 281–291.
- Горбунова, Н.Г. 2001: Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов. *АСГЭ* 35, 126–151.
- Гордин, И.А. 1988: *Отчет об археологических раскопках курганов у с. Чалтырь из курганного могильника «Хапры» в зоне строительства орошаемого участка Мясниковского района Ростовской области*. – Архив ИА РАН, Р-1, №12939 (А-12940).
- Городцов, В.А. 1912: *Обзор важнейших памятников в Московском историческом музее. Доисторический Отдел*. М.
- Граков, Б.Н. 1950: Скифский Геракл. *КСИИМК* XXXIV, 7–18.
- Гущина, И.И. 1969: Янчокракский клад. В кн.: Л.А. Евтюхова (ред.), *Древности Восточной Европы* (МИА 169). М., 43–51.
- Гуцалов, С.Ю. 2009: О центральноазиатских культурных компонентах в погребениях кочевников Южного Приуралья III в. до н.э. *ПИФК* 3, 104–115.
- Гуцалов, С.Ю. 2011: Некоторые материалы из раскопок Г.А. Кушаева на территории уральского левобережья. *УАВ* 11, 16–27.
- Гуцалов, С.Ю. 2013: Позднепрохоровское погребение из Нагорненского курганного могильника в Западном Казахстане. *РА* 3, 108–113.
- Гуцалов, С.Ю., Марыксин, Д.В. 2011: Погребения из Западного Казахстана (к вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии). *ВДИ* 3, 192–206.

- Давыдова, А.В. 1996: *Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник* (Археологические памятники сунну 2). СПб.
- Давыдова, А.В., Миняев, С.С. 1993: Новые находки наборных поясов. Дырестуйском могильнике. *АВ* 2, 55–65.
- Дворниченко, В.В., Демиденко, С.В., Демиденко, Ю.В. 2008: Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова* (МИАР 10). М., 239–242.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1989: Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. В кн.: К.А. Смирнов (ред.), *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М., 5–13.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Демиденко С.В., Демиденко, Ю.В. 2012: К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. В кн.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной* (Труды ГИМ, 191). М., 79–89.
- Дэвлет, М.А. 1980: *Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э.* (САИ, Д4-7). М.
- Засецкая, И.П. 2008: Золотые украшения из кургана Хохлач – классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н.э. В кн.: *Кат. Ст. Петербург* 2008, 29–43.
- Засецкая, И.П. 2010: Декоративное оформление больших фаларов из погребения I в. н.э. у ст. Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля). *НАВ* XI, 114–129.
- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Засецкая, И.П. 2012а: Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В сб.: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 353–383.
- Засецкая, И.П. 2012б: Образ волка в сарматском искусстве I в. н.э. *Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал* 3. Самара, 63–73.
- Засецкая, И.П. 2015: О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры. *АСГЭ* 40, 189–231.
- Засецкая, И.П. 2016: Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля. В кн.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию Б.А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону, 90–105.
- Засецкая, И.П., Минасян, Р.С. 2008: Золотые ножны кинжала из кургана Дачи – уникальное произведение древнего ювелирного искусства. В кн.: *Кат. Ст. Петербург* 2008, 44–52.
- Ильясов, Дж. Я. 2015: Поясные наборы кочевников Согда. В кн.: А.В. Омельченко, Д.К. Мирзаахмедов (ред.), *Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье: на основе материалов научных конференций 2010 и 2011 гг.* (Труды ГЭ LXXV). СПб., 63–67.
- Кат. Москва 2005: Т.А. Габуев, *Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков*. М.
- Кат. Москва 2014: *Тыва – в бегах времени*. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. М.
- Кат. Ст. Петербург 2004: М.Б. Пиотровский (ред.), *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. СПб.

- Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского*. СПб.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2017: Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве. *КСИА* 247, 87–104.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2018а: Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э. В кн.: Я.В. Рафикова (ред.), *«Мужской и женский мир в отражении археологии»*. Материалы Всероссийской с международным участием конференции г. Уфа, 19–21 ноября 2018 г. Уфа, 126–136.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2018б: Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве. *АВ* 24, 125–152.
- Клепиков, В.М. 2016: Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе). В кн.: *Константин Федорович Смирнов*, 104–109.
- Клепиков, В.М. 2017: Погребения раннесарматской культуры Нижнего Поволжья с деталями повозки в закладе могильной камеры. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 22.3, 20–35.
- Клепиков, В.М., Скрипкин, А.С. 2002: Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *НАВ* 5, 47–81.
- Королькова, Е.Ф. 1999: Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии. *АСГЭ* 34, 68–96.
- Королькова, Е.Ф. 2001: Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи. В кн.: Н.А. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура*. СПб., 68–95.
- Королькова, Е.Ф. 2006: *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
- Королькова, Е.Ф. 2008: Сарматские украшения и сибирское золото древних кочевников. В кн.: *Кат. Ст. Петербург 2008*, 15–28.
- Королькова, Е.Ф. 2011: Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I. *СГЭ* 69, 5–14.
- Королькова, Е.Ф. 2012б: Сибирская коллекция Петра I в Эрмитаже. *Scripta antiqua* 2, 329–355.
- Королькова, Е.Ф. 2015: Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов). *АСГЭ* 40, 157–188.
- Королькова, Е.Ф. 2017: О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля. *КСИА* 247, 50–60.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1-27). М.
- Кузьмин, Н.Ю. 1988: Тесинский могильник у деревни Калы. В кн.: В.М. Массон (ред.), *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири*. Л., 55–82.
- Кузьмин, Н.Ю. 2011: *Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура*. СПб.
- Кунгурова, Н.Ю., Оборин, Ю.В. 2013: Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина). *АЭАЕ* 2 (54), 126–136.
- Курманкулов, Ж.К. 2007: Исследование могильника Нагорненский в 1981 г. (Предварительный итог). В кн.: З.С. Самашев, Ж.К. Курманкулов, Г.С. Султангалиева, С.Ю. Гуцалов (ред.), *Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции*. Актобе, 98–102.
- Лукпанова, Я.А. 2012: Исследования памятников раннего железного века на Территории Западно-Казахстанской области в свете одного десятилетия. *Вопросы археологии Западного Казахстана* 1, 142–156.

- Лунева, В. 2001: Ювелирные изделия из Кампыртепа. В кн.: Э. Ртвеладзе (ред.), *Материалы Тохаристанской экспедиции. 2. Археологические исследования Кампыртепа*. Ташкент, 113–125.
- Ляхов, С.В., Мордвинцева, В.И. 2000: Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области. *РА* 3, 102–109.
- Ляхов, С.В., Половинкина, Ю.С. 2009: Курган раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье. В кн.: В.А. Лопатин (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи 7*. Саратов, 196–231.
- Максимова, А.Г., Мершиев, М.С., Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. 1968: *Древности Чардары*. Алма-Ата.
- Мандельштам, А.М. 1966: *Кочевники на пути в Индию* (МИА 136). М.–Л.
- Мандельштам, А.М. 1975: *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии*. Л.
- Манцевич, А.П. 1976: Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I). В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль*, 164–193.
- Маслов, В.Е. 1999: О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. В кн.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М., 219–236.
- Матвеева, Н.П. 1994: *Ранний железный век Приисимья*. Новосибирск.
- Матвеева, Н.П. 2012: Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье. *АЭАЕ* 4 (52), 70–85.
- Матвеева, Н.П. 2017: Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры. *РА* 4, 3–20.
- Медведская, И.Н. 1979: Раскопки в Шаартузе в 1974 г. В кн.: Б.А. Литвинский, Н.Н. Негматов, В.А. Ранов (ред.), *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XIV. Душанбе, 110–122.
- Минасян, Р.С. 2014: *Металлообработка в древности и средневековье*. СПб.
- Минасян, Р.С., Шаблавина, Е.А. 2009а: О роли технической терминологии в археологической литературе. В кн.: А.Г. Фурасев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 236–261.
- Миняев, С.С. 2007: *Дурестуйский могильник* (Археологические памятники Сюнну 3). 2-е доп. изд. СПб.
- Мордвинцева, В.И. 1999: Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *НАВ* 2, 42–51.
- Мордвинцева, В.И. 2003: *Полихромный звериный стиль*. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И. 2007: Сарматский полихромный звериный стиль. В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер (ред.), *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. I. Симферополь–Бонн, 195–244.
- Мордвинцева, В.И. 2011: Культурные изменения в Нижнем Поволжье по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н. э. – сер. III в. н.э.). *АМА* 15, 332–365.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.
- Мордвинцева, В.И., Хабарова, Н.В. 2006: *Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики сарматского времени из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И., Шинкарь, О.А. 1999: Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *НАВ* 2, 138–149.
- Мыськов, Е.П., Кияшко, А.В., Скрипкин, А.С. 1999: Погребение сарматской знати с Есауловского Аксяя. *НАВ* 2, 149–167.

- Обельченко, О.В. 1978: Шахривайронская пряжка. В кн.: О.В. Обельченко, Д.М. Овезов, Т. Хожанязов (ред.), *История и археология Средней Азии*. Ашхабад, 68–81.
- Обельченко, О.В. 1992: *Культура античного Согда*. М.
- Ольховский, В.С. 2005: *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. М.
- Отчет Российского Исторического Музея 1916: *Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883–1908)*. М.
- Пилипко, В.Н. 2001: *Старая Нуса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. М.
- Подушкин, А.Н. 2012: К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе). *Stratum plus* 4, 31–53.
- Пшеницына, М.Н. 1992: Тесинский этап. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 224–235.
- Раев, Б.А. 2017: Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций. В кн.: Л.Б. Вишняцкий (ред.), *Ex Ungue Leonis. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб., 291–305.
- Раев, Б.А., Дворниченко, В.В. 2014: Азиатские элементы обряда захоронения у с. Косика (Косика-2). В кн.: А.А. Бисембаев (ред.), *Материалы IV Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2014»*. Актобе–Астана, 170–174.
- Самашев, З. 2013: *Казахское искусство: в 5-ти томах. Т. 1. Древнее искусство*. Алматы. <http://archo-astana.kz/monograph/ezhelgi-oner/#/1/>
- Самашев, З., Джумабекова, Г., Базарбаева, Г., Онгар, А. 2007а: *Древнее золото Казахстана*. Алматы.
- Самашев, З., Кушербаев, К., Аманшаев, Е., Астафьев, А. 2007б: *Сокровища Устюрта и Манкыстау*. Алматы.
- Симоненко, А.В. 2015: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев.
- Скворцов, Н.Б., Скрипкин, А.С. 2008: Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98–116.
- Скрипкин, А.С. 2000: Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *НАВ* 3, 17–40.
- Скрипкин, А.С. 2006: К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур. В кн.: А.С. Скрипкин (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения*. Вып. 1. Волгоград, 5–27.
- Скрипкин, А.С. 2014: О восточных связях сарматов во II–I вв. до н.э. В кн.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* (УАВ, 14). Уфа, 218–222.
- Скрипкин, А.С. 2015: Об одном типе раннесарматских курганных. *РА* 1, 106–111.
- Скрипкин, А.С. 2017: *Сарматы*. Волгоград.
- Скрипкин, А.С. 2019: Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н. э. (восточные инновации, факты, причины, последствия). *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 24.1, 20–34.
- Скрипкин, А.С., Клепиков, В.М. 2004: Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В кн.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 95–106.
- Скрипкин, А.С., Шинкарь, О.А. 2010: Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. *РА* 1, 125–138.
- Смирнов, К.Ф. 1975: *Сарматы на Илеке*. М.

- Смирнов, К.Ф. 1976: Савромато-сарматский звериный стиль. В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль*, 74–89.
- Спицын, А.А. 1909: Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18–53.
- Тетерин, Ю.В. 2015: Поясные подвески хуннской эпохи Южной Сибири. *Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 14.5: Археология и этнография*, 51–60.
- Тишкин, А.А., Матренин, С.С. 2017: Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-П). *КСИА* 247, 74–87.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Том 1. Симферополь, Бонн, 15–194.
- Трейстер, М.Ю. 2010: Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *АВ* 16, 72–94.
- Трейстер, М.Ю. 2011: Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике. *Scripta antiqua* 1, 90–146.
- Трейстер, М.Ю. 2014: К находке фалара из медальона эллинистической чаши в кургане № 20 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия). *ВДИ* 2, 125–150.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.). *МАИАСК* 10, 109–201.
- Трейстер, М.Ю. 2019: Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В кн.: А.Д. Васильев (ред.), III Международная научная конференция. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1. Москва, 260–264.
- Филанович, М. 2010: Древний Чач на пути евразийских миграций номадов. В кн.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара*. Ташкент, 204–216.
- Фирсов, К.Б. 2004: Золотая пластина сарматского времени из Кочковатки (технологические наблюдения). В кн.: *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград, 167–171.
- Харинский, А.В. 2014: Елгинские захоронения Прибайкалья. *Известия Лаборатории древних технологий* 3(12), 20–44.
- Шилов, В.П. 1954: Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. – Архив ВОКМ, № 7 (А–7 а).
- Шилов, В.П. 1956: Погребение сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. *СГЭ* 9, 42–45.
- Шилов, В.П. 1959: Калиновский курганный могильник. В кн.: Е.И. Крупнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья. I* (МИА 60). М., 323–523.
- Шилов, В.П. 1975: *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Л.
- Юсупов, Х.Ю. 1975: Исследование курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г. *Успехи Среднеазиатской Археологии* 3. Л., 48–51.

- Ягодин, В.Н. 1978: Памятники кочевых племен древности и средневековья. В кн.: С.К. Камалов (ред.), *Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта*. Ташкент, 79–198.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм древней Евразии*. М.
- Abdullaev, K.A. 2008: Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135–149.
- Belaňová, P. 2016: Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111–126.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Boardman, J. 2010: *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin* (Beazley Archive Occasional Paper). Oxford.
- Boardman, J. 2012: Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102–111.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Brosseder, U. 2013: Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 2013, 89–101.
- Bunker, E.C. 1988: Lost Wax and Lost Textile: An Unusual Ancient Technique for Casting Gold Belt Plaques. In: R. Maddin (ed.), *The Beginning of the Use of Metals and Alloys: Papers from the Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys, Zhengzhou, China, 21–26 October 1986*. Cambridge, Mass., 222–227.
- Bunker, E. C. 1997: *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection*. New York.
- Bunker, E.C., Ternbach, J. 1970: A Variation of the “Lost-Wax” Process. *Expedition* 12.3, 41–43.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia.
- Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria*. Miho Museum. Miho.
- Cat. Milan 1995: M.G. Curletti (ed.), *Tesori delle Steppe. Cimмери, Sciti, Sarmати, Унни, Авари e Cazari*. Milan.
- Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians* (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974). New York.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan.
- Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Tokyo 1991b: G.A. Pugachenkova, E.V. Rtveldze, K. Kato (eds.), *Antiquities of Southern Uzbekistan*. Tashkent.
- Cat. Trieste 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati*. Milan.
- Cat. Venice 1993: B.A. Litvinskij (ed.), *Oxus. Tesori dell'Asia Centrale*. Rome.
- Cat. Washington 2006: C. Chang, K. Guroff (eds.), *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. Washington.

- Chandra, R.G. 1979: *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi.
- Charrière, G. 1974: *Die Kunst der Skythen*. Köln.
- Collon, D. 1995: *British Museum. Ancient Near Eastern Art*. London.
- Curtis, V.S. 2001: Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299–327.
- Damm, I.G. 1990: Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239–243.
- The Dawn of Art 1974: *The Dawn of Art. Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age Remains found in the territory of the Soviet Union. The Hermitage Collection*. Leningrad.
- Fless, F., Treister, M. 2007: Schmuck im Polychromen Stil – Zur Typologie und Entwicklung einer Schmuckform im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. bis ins frühe 2. Jh. n. Chr. In: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)* (Ausonius Editions, Mémoires 18). Bordeaux, 165–187.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277–347.
- Francfort, H.P. 2014: Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c.–Ier s. ap. J.-c.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013–2014), 1543–1576.
- Ghirshman, R. 1979: La ceinture en Iran. *IrAnt* 14, 166–196.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. 2009: Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archéométrie* 33, 177–185.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington–Indianapolis, 51–61.
- Gutsalov, S. 2012: On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29–50.
- Hickman, J. 2012: Bactrian Gold: Jewelry Workshop Traditions at Tillya Tepe. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 78–87.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259–325.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Invernizzi, A. 1999: *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia (Acta Iranica, XXXI)*. Louvain-la-Neuve.
- Jäger, U. 2009: Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: B.G. Fragner, R. Kauz, R. Ptak, A. Schottenhammer (Hrsg.), *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46). Wien, 75–82.
- Jäger, U., Kansteiner, S. 2011: *Ancient Metalwork from the Black Sea to China in the Borowski Collection*. Ruppolding, Mainz.
- Kat. Berlin 1983: U. Gehrig (Hrsg.), *Tierbilder aus vier Jahrtausend. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz.
- Kat. Bochum 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum.
- Kat. Bonn 1997: L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.

- Kat. Hamburg 1993: R. Busch (Hrsg.), *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kat. München 1996: G. Zahlhaas, *Aus Noahs Arche. Tierbilder der Sammlung Mildenberg aus fünf Jahrtausenden*. Mainz.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kat. Wien 1996: W. Seipel (Hrsg.), *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien.
- Kat. Zürich 1989: J. Rickenbach (Hrsg.), *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan*. Museum Rietberg Zürich. Zürich.
- Kat. Zürich 1993: M. Karabelnik (Hrsg.), *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich.
- Kidd, F. 2011: Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229–276.
- Kidd, F., Betts, A.V.G. 2010: Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancien. *CRAI* II (avril-juin), 637–686.
- Kidd, F., Negus Cleary, M., Baker Brite, E. 2012: Public vs. Private. Perspectives on the Communication of Power in Ancient Chorasmia. In: C. Hartley, G. Bike Yazıcıoğlu, A.T. Smith (eds.), *Regimes and Revolutions: Power, Violence, and Labor in Eurasia Between the Ancient and the Modern*. Cambridge, 91–121.
- Korolkova, E. 2006: Camel Imagery in Animal Style Art. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 196–207.
- Korolkowa, E.F. 2009: Sarmatischer Schmuck und Sibirisches Gold antiker Nomaden. In: *Kat. Leoben 2009*, 42–57.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st Centuries BCE)* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 6). Bonn.
- Linduff, K.M. 2009: Chinese Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in Zhou China. In: J. Mei, T. Rerhen (eds.), *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. L., 90–96.
- Mantsevich, A.P. 1982: Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great. *AJA* 86, 469–474.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Marshak, B.I. 2002: Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: E. Sims, B.I. Marshak, E.J. Gruber (ed.), *Peerless Images. Persian Painting and its Sources*. New Haven–London, 7–19.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.
- Mordvinceva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2016: Barbarians of the North Pontic Region and their Contacts with Centres of Antique Civilization from the 3rd Century BCE to the mid-3rd Century CE (According to the Research of the Elite Burials). In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj, Napoca, 381–432.

- Olbrycht, M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemmman, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 333–390.
- Otchir-Goriaeva, M. 2002: Das sarmatische Grab von Jaškul⁴, Kalmykien. *EurA* 8, 353–387.
- Peterson, S. 2012: Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1485067/Parthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe.
- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Polosmak, N.V. 2012: Embroideries on Garments from Kurgan 20 of the Noin-Ula Burial Ground. *Anabasis* 3, 267–288.
- Pougatchenkova, G. 1978: *Les trésors de Dalverzine-Tépé*. Leningrad.
- Rehm, E. 1992: *Der Schmuck der Achämeniden*. Münster.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischer Quellen D3-9). Moskau, Leningrad.
- Safar, F. Mustafa, A.M. 1974. *Hatra: The City of the Sun God [al-Ḥadr, madīnat al-shams]*. Baghdad.
- Salmony, A. 1948: Sarmatian gold collected by Peter the Great. III. The early group with winged circle sockets. *Gazette des Beaux-Arts*, 6th series XXXIII, 321–326.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Baktrisches Gold*. Leningrad.
- Sassetskaja, I.P. 2009: Goldschmuck aus dem Kurgan Chochlatsch. Klassische Beispiele für den polychromen Tierstil. In: *Kat. Leoben 2009*, 58–73.
- Schiltz, V. 1994: *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.
- Schiltz, V. 2015: Ariane, Artémis, Cybèle et autres Nana. In: V. Schiltz (ed.), *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin – II*. Paris, 71–91.
- Shu Takahama 高濱, 秀 2002: ユーラシア草原地帯の非金属製帯飾板. 金沢大学考古学紀要 [Kanazawa University. College of Human and Social Sciences. Departmental Bulletin Paper] 26, 50–63, https://kanazawau.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=6507&item_no=1&page_id=13&block_id=21
- Shu Takahama 高濱, 秀 2012: 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = Archaeology Bulletin, Kanazawa University 33, 23–34.
- Simonenko, A.V. 2001: Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *EurA* 7, 187–327.
- Sono, T., Fukai, Sh. 1968: *Dailaman III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti 1964* (The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report) 8. Tokyo.
- Treister, M. 2002: Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29–72.
- Treister, M. 2004: Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297–321.
- Treister, M. 2016: On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55–95.
- Winkelmann, S. 2003: Eurasisches in Hatra ? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 „Differenz und Integration“* 4, 1, 21–140.
- Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Kidd, F., Baker Brite, E., Khozhaniyazov, G., Amirov, S., Yagodin, V.V., Fray, G. 2009: Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7–41.

REFERENCES

- Abdullaev, K.A. 2008: Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135–149.
- Akbulatov, I.M. 1998: Novo-Kalkashskiy II kurgannyi mogil'nik na r. Sterlya [Novo-Kalkash-II Tumuli Necropolis on River Sterlya]. *Ufimskiy arkeologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Journal]* 1, 121–137.
- Artamonov, M.I. 1971: Voprosy khronologii skifo-sibirskogo zolota. *Sovetskaya arkeologiya [Soviet archaeology]* 3, 40–57.
- Artamonov, M.I. 1973: *Sokrovishcha sakov [The Treasures of Saka]*. Moscow.
- Belaňová, P. 2016: Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111–126.
- Berlizov, N.E. 2014: Fenoman srednesarmatskoj kul'tury i problema migratsii iz Central'noj Azii [The Phenomenon of the Middle Sarmatian Culture and the Problem of Migration from Central Asia]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta dryzhby narodov [Journal of the Russian University of Peoples Friendship]*, seriya Vseobschaya istoriya [Series World History] 4, 60–68.
- Berkhin, I.P. 1959: Sarmatskoe pogrebenie u s. Salomatina [Sarmatian Burial near the Village Salomatino]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* XV, 37–41.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: B.A. Raev (ed.), *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Bespalyy, E.I. 1992: Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azova [A Burial-Mound of Sarmatian Period near the City of Azov]. *Sovetskaya arkeologiya [Soviet archaeology]* 1, 175–190.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Novoaleksandrovka [The Ancient Population of the Interfluvium of Don and Kagal'nik. The Kurgan Necropolis near the Village of Novoaleksandrovka] (Materialy i issledovaniya po arkeologii Yuga Rossii [Materials and Studies in the Archaeology of South Russia]. Iss. I. Vol. 2)*. Rostov-on-Don.
- Boardman, J. 2010: *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin* (Beazley Archive Occasional Paper). Oxford.
- Boardman, J. 2012: Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102–111.
- Bogdanov, E.S. 2006: *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevnikov narodov Tsentral'noj Azii [The Image of Predator in the Plastic Art of the Nomads of Central Asia]*. Novosibirsk.
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V. 1975: Khimicheskiy sostav metallicheskih predmetov iz Arauktausskogo, Kokkumskogo i Babashovskogo mogil'nikov [The Chemical Composition of the Metal Objects from Arauktau, Kokkum and Babashov Necropoleis]. In: A.M. Mandelshtam, *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktirii [The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria]*. Leningrad, 193–202.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Brosseder, U. 2013: Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 2013, 89–101.

- Bunker, E.C. 1988: Lost Wax and Lost Textile: An Unusual Ancient Technique for Casting Gold Belt Plaques. In: R. Maddin (ed.), *The Beginning of the Use of Metals and Alloys: Papers from the Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys, Zhengzhou, China, 21–26 October 1986*. Cambridge, Mass., 222–227.
- Bunker, E. C. 1997: *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection*. New York.
- Bunker, E.C., Ternbach, J. 1970: A Variation of the “Lost-Wax” Process. *Expedition* 12.3, 41–43.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L’or des Sarmates. Nomades des steppes dans l’antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Mantua 1998: *L’uomo d’oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall’età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia.
- Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria*. Miho Museum. Miho.
- Cat. Milan 1995: M.G. Curletti (ed.), *Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milan.
- Cat. Moscow 2005: T.A. Gabuev, *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I–XII Vekov [Alanian Horseman. Princely Treasures of the 1st–12th Centuries]*. Moscow.
- Cat. Moscow 2014: *Tyva – v bege vremeni. Vserossiyskiy muzey dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva [Tyva – in the Running of Time. All-Russian Museum of Decorative Applied and Folk Art]*. Moscow.
- Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians* (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974). New York.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L’or des Amazones*. Paris.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan.
- Cat. St. Petersburg 2004: M.B. Piotrovskiy (ed.), *Iran v Ermitazhe. Formirovanie kollektsey [Iran in the Hermitage. The Formation of Collections]*. Saint Petersburg.
- Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo [Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the exhibition to the 100-Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovskiy]*. Saint Petersburg.
- Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Tokyo 1991b: G.A. Pugachenkova, E.V. Rtveladze, K. Kato (eds.), *Antiquities of Southern Uzbekistan*. Tashkent.
- Cat. Triest 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati*. Milan.
- Cat. Venice 1993: B.A. Litvinskij (ed.), *Oxus. Tesori dell’Asia Centrale*. Rome.
- Cat. Washington 2006: C. Chang, K. Guroff (eds.), *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. Washington.
- Chandra, R.G. 1979: *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi.
- Charrière, G. 1974: *Die Kunst der Skythen*. Köln.
- Collon, D. 1995: *British Museum. Ancient Near Eastern Art*. London.
- Curtis, V.S. 2001: Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299–327.
- Damm, I.G. 1990: Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239–243.
- Davydova, A.V. 1996: *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. Vol. 2. Ivolginskiy mogil’nik [Ivolga Archaeological Complex. Vol. 2. Ivolga Necropolis]* (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [Archaeological Monuments of Xiongnu] 2). Saint Petersburg.
- Davydova, A.V., Minyaev, S.S. 1993: Novye nakhodki nabornyykh po yasov v Dyrestuyskom mogil’nike [New Finds of Composite Belts in the Dyrestuy Necropolis]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]* 2, 55–65.

- The Dawn of Art 1974: *The Dawn of Art. Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age Remains found in the territory of the Soviet Union. The Hermitage Collection.* Leningrad.
- Dvornicheskoy, V.V., Demidenko, S.V., Demidenko, Yu.V. 2008: Nabor pryazhek iz pogrebeniya znatnogo sarmatskogo voyna v mogil'nike Krivaya Luka VIII. In: M.G. Moshkova (ed.), *Problemy sovremennoy arkheologii. Sbornik pamyati V.A. Bashilova* [The Problems of Modern Archaeology. The Collection of Articles dedicated to the Memory of V.A. Bashilov] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of Russia] 10). Moscow, 239–242.
- Dvornicheskoy, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989: Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e. In: K.A. Smirnov (ed.), *Sokrovishcha sarmatskikh vozhd'ey i drevnie goroda Povolzh'ya* [The Treasures of Sarmatian Chieftains and the Ancient Cities of Volga Basin]. Moscow, 5–13.
- Dvornicheskoy, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n. eh. u s. Kosika Astrakhanskoj oblasti [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD Skeptuchos near the Village Kosika in the Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 141–179.
- Demidenko, S.V., Demidenko, Yu.V. 2012: K voprosu o svyazyakh Zavolzh'ya, Severnogo Prikaspiya i Sredney Azii v poslednie veka do n.e. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. To the Memeory of Irina Ivanovna Gushchina] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 191). Moscow, 79–89.
- Devlet, M.A. 1980: *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny. II v. do n.eh. – I v. n.e.* [The Siberian Open-Worked Belt Plaques. 2nd Century BC – 1st Century AD] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д4-7). Moscow.
- Filanovich, M. 2010: Drevniy Chach na puti evraziyskikh migratsiy nomadov. In: K. Abdullaev (ed.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kul'ture Sredney Azii. Sbornik statey v chest' P. Bernara* [The Traditions of East and West in the Ancient Culture of the Middle Asia. The Collection of Articles in Honor of P. Bernard]. Tashkent, 204–216.
- Firsov, K.B. 2004: Zolotaya plastina sarmatskogo vremeni iz Kochkovatki (tekhnologicheskie nablyudeniya). In: *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Problems of Archaeology of the Lower Volga Region. I International Lower Volga Archaeological Conference]. Volgograd, 167–171.
- Fless, F., Treister, M. 2007: Schmuck im Polychromen Stil - Zur Typologie und Entwicklung einer Schmuckform im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. bis ins frühe 2. Jh. n. Chr. In: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. - IIIe s. p. C.)* (Ausonius Éditions, Mémoires 18). Bordeaux, 165–187.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277–347.
- Francfort, H.P. 2014: Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c.–Ier s. ap. J.-C.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013–2014), 1543–1576.
- Ghirshman, R. 1979: La ceinture en Iran. *IrAnt* 14, 166–196.
- Glebov, V.P. 2016: Pryazhki s zoomorfnyimi izobrazheniyami v rannesarmatskoy kul'ture Nizhnego Podon'ya. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference "The Problems

- of *Sarmatian Archaeology and History*”, dedicated to the 100-anniversary of Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 69–79.
- Glebov, V.P., Babeshko, I.G. 2012: Rannesarmatskoe pogrebenie s zoomorfnoy pryazhkoy iz mogil'nika Krasnogorovka III. In: A.A. Gorbenko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical and Archaeological Studies in Azov and in the Lower Don Area in 2010] 26. Azov, 281–291.
- Gorbunova, N.G. 2001: Skotovody Baktrii, Sogda i Tsentral'nykh Kyzylkumov. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 35, 126–151.
- Gordin, I.A. 1988: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov u s. Chaltyr' iz kurganogo mogil'nika «Khapry» v zone stroitel'stva oroshaemogo uchastka Myasnikovskogo rayona Rostovskoy oblasti* [Report on Archaeological Excavations of the Burial-mounds near the Village Chaltyr' in the Burial-ground “Khapry” in the Construction Zone of the Irrigated Area of the Myasnikov District of the Rostov Region].
- Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, P-1, №12939 (A–12940).
- Gorodtsov, V.A. 1912: *Obzor vazhneyshikh pamyatnikov v Moskovskom istoricheskom muzee. Doistoricheskiy Otdel* [A Survey of the Most Important Monuments in the Moscow Historical Museum. Pre-Historic Department]. Moscow, 23–74.
- Grakov, B.N. 1950: Skifskiy Gerakl [Scythian Herakles]. *Kratkie soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture] XXXIV, 7–18.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. 2009: Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archeometrie* 33, 177–185.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington, Indianapolis, 51–61.
- Gushchina, I.I. 1969: Yanchokrakskiy klad. In: L.A. Evtyukhova (ed.), *Drevnosto Vostochnoy Evropy* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Antiquities of Eastern Europe] (Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR 169). Moscow, 43–51.
- Gutsalov, S.Yu. 2009: O tsentral'noaziatskikh kul'turnykh komponentakh v pogrebeniyakh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya III v. do n.e. [On the Central Asian Cultural Components in the Burials of the Nomads of the Foothills of South Urals in the 3rd Century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture] 3, 104–115.
- Gutsalov, S.Yu. 2011: Nekotorye materialy iz raskopok G.A. Kushaeva na territorii ural'skogo levoberezh'ya [Some Materials from G.A. Kushaev' Excavations in the Territory of the Left Bank of Ural River]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Journal] 11, 16–27.
- Gutsalov, S. 2012: On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29–50.
- Gutsalov, S.Yu. 2013: Pozdneprokhorovskoe pogrebenie iz Nagornenkogo kurganogo mogil'nika v Zapadnom Kazakhstane [Late Prokhorovka Burial from the Nagornenskiy Tumuli Necropolis in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 3, 108–113.
- Gutsalov, S.Yu., Maryksin, D.V. 2011: Pogrebeniya iz Zapadnogo Kazakhstana (k voprosu o svyazyakh drevnykh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya s naseleniem Tsentral'noy Azii) [The Burials from Western Kazakhstan (to the Question of Relations of the Ancient Nomads of the Foothills of South Urals with the Population of Central Asia)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 192–206.

- Hickman, J. 2012: Bactrian Gold: Jewelry Workshop Traditions at Tillya Tepe. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 78–87.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259–325.
- Il'yasov, J.Ya. 2015: Poyasnye nabory kochevnikov Sogda. In: A.V. Omel'chenko, D.K. Mirzakhmedov (eds.), *Bukharskiy oasis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e: na osnove materialov nauchnykh konferentsiy 2010 i 2011 gg.* [The Bukhara Oasis and its Neighbors in Antiquity and the Middle Ages: based on the materials of scientific conferences held in 2010 and 2011] (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] LXXV). Saint Petersburg, 63–67.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Invernizzi, A. 1999: *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia (Acta Iranica, XXXI)*. Louvain-la-Neuve.
- Jäger, U. 2009: Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: B.G. Fragner, R. Kauz, R. Ptak, A. Schottenhammer (Hrsg.), *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46). Wien, 75–82.
- Jäger, U., Kansteiner, S. 2011: *Ancient Metalwork from the Black Sea to China in the Borowski Collection*. Ruppolding, Mainz.
- Kat. Berlin 1983: U. Gehrig (Hrsg.), *Tierbilder aus vier Jahrtausend. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz.
- Kat. Bochum 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum.
- Kat. Bonn 1997: L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Hamburg 1993: R. Busch (Hrsg.), *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kat. München 1996: G. Zahlhaas, *Aus Noahs Arche. Tierbilder der Sammlung Mildenberg aus fünf Jahrtausenden*. Mainz.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kat. Wien 1996: W. Seipel (Hrsg.), *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien.
- Kat. Zürich 1989: J. Rickenbach (Hrsg.), *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan*. Museum Rietberg Zürich. Zürich.
- Kat. Zürich 1993: M. Karabelnik (Hrsg.), *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich.
- Kharinskiy, A.V. 2014: Elginskie zakhoroneniya Pribaykal'ya [Elginskie Burials of the Baikal Region]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies] 3(12), 20–44.
- Kidd, F. 2011: Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229–276.

- Kidd, F., Betts, A.V.G. 2010: Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancien. *CRAI* II (avril-juin), 637–686.
- Kidd, F., Negus Cleary, M., Baker Brite, E. 2012: Public vs. Private. Perspectives on the Communication of Power in Ancient Chorasmia. In: C. Hartley, G. Bike Yazicioğlu, A.T. Smith (eds.), *Regimes and Revolutions: Power, Violence, and Labor in Eurasia Between the Ancient and the Modern*. Cambridge, 91–121.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2017: Iskusstvo kontsa pervogo tysyacheletiya do n.e. v Tuve [The Art of the Late First Millennium BC in Tuva]. *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 87–104.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018a: Novye dannye po sotsial'noy strukture naseleniya Tuvy v kontse I tys. do n.e. In: Ya.V. Rafikova (ed.), «Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii». *Materialy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii g. Ufa, 19–21 noyabrya 2018 g.* [“The Male and Female World in the Reflection of Archeology.” *Materials of the All-Russian with international Participation Conference. Ufa, November 19–21, 2018*]. Ufa, 126–136.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018b: Novye materialy ulug-khemskey kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 24, 125–152.
- Klepikov, V.M. 2016: Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniya s dvumya mechami (k voprosu o sotsial'nom statuse). In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “The Problems of Sarmatian Archaeology and History”, dedicated to the 100-anniversary of Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 104–109.
- Klepikov, V.M. 2017: Pogrebeniya rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya s detalyami povozki v zaklade mogil'noy kamery [Burials of the Early Sarmatian Culture of the Lower Volga Region with the Details of the Wagons in the Entrance of the Grave Chamber]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 22.3, 20–35.
- Klepikov, V.M., Skripkin, A.S. 2002: Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya [The Chronology of the Early Sarmatian Monuments of the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 5, 47–81.
- Korolkova, E. 2006: Camel Imagery in Animal Style Art. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 196–207.
- Korolkova, E.F. 2009: Sarmatischer Schmuck und Sibirisches Gold antiker Nomaden. In: *Kat. Leoben 2009*, 42–57.
- Korol'kova, E.F. 1999: Obrazy verblyudov i puti ikh razvitiya v iskusstve rannikh kochevnikov Evrazii [Images of Camels and the Ways of their Evolution in the Art of Early Nomads of Eurasia]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 34, 68–96.
- Korol'kova, E.F. 2001: Zverinyy stil' v oformlenii griven skifo-sarmatskoy epokhi. In: N.A. Zakharova (ed.), *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura* [Jewellery Art and Material Culture]. Saint Petersburg, 68–95.
- Korol'kova, E.F. 2006: Zverinyy stil' Evrazii. *Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.)* [Animal style of Eurasia. The Art of the

Tribes of the Lower Volga Region and the Foothills of South Urals in the Scythian Period (7th – 4th Centuries BC). Saint Petersburg.

- Korol'kova, E.F. 2008: Sarmatskie ukrasheniya i sibirskoe zoloto drevnikh kochevnikov. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 15–28.
- Korol'kova, E.F. 2011: Konskiy «egret» so stsenoy terzaniya iz Sibirskoy kollektzii Petra I. Horse “Aigrette” with a Scene of Torment from the Siberian Collection of Peter I. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* 69, 5–14.
- Korol'kova, E.F. 2012: Sibirskaya kolleksiya Petra I v Ermitazhe. *Scripta antiqua* 2, 329–355.
- Korol'kova, E.F. 2015: Sledy nevidannykh zverey (k probleme traktovki fantasticheskikh obrazov) [Traces of unseen Beasts (to the Problem of Interpretation Fantastic Images)]. *Arkheologicheskii Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage]* 40, 157–188.
- Korol'kova, E.F. 2017: O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sibirskogo zverinogo stilya [About the Origin of some Features of the Siberian Animal Style]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]* 247, 50–60.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th – 1st Centuries BCE)* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 6). Bonn.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC–5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д1-27). Moscow.
- Kungurova, N.Yu., Oborin, Yu.V. 2013: Klad, obnaryzhennyy na r. Uybat (Minusinskaya kotlovina) [The Treasure found on the Uyabt River (Minusinsk Hollow)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]* 2 (54), 126–136.
- Kurmankulov, Zh.K. 2007: Issledovanie mogil'nika Nagornenskiy v 1981 g. (Predvaritel'nyy itog). In: Z.S. Samashev, Zh.K. Kurnamkulov, G.S. Sultangalieva, S.Yu. Gutsalov (eds.), *Kadyrbaevskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Kadyrbaev Readings. The Materials of the International Conference]*. Aktobe, 98–102.
- Kuz'min, N.Yu. 1988: Tesinskiy mogil'nik u derevni Kaly. In: V.M. Masson (ed.), *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri [Archaeological Sites in the Irrigation Zones of South Siberia]*. Leningrad, 55–82.
- Kuz'min, N.Yu. 2011: Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura [The funerary Monuments of the Hunno-Syanbi Period in Steppes of the Middle Yenisei. Tesinskaya Culture]. Saint Petersburg.
- Linduff, K.M. 2009: Chinese Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in Zhou China. In: J. Mei, T. Rerhen (eds.), *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. L., 90–96.
- Lukpanova, Ya.A. 2012: Issledovaniya pamyatnikov rannego zheleznogo veka na territorii Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti v svete odnogo desyatiletia [Studies of of the Early Iron Age Sties in the Territory of the West Kazakhstan Region in the light of one decade]. *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Questions of Archaeology of West Kazakhstan]* 1, 142–156.
- Luneva, V. 2001: Yuvelirnye izdeliya iz Kampyrtepa. In: E. Rtveldze (ed.), *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. 2. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa [Materials of the Tokharistan Expedition. 2. Archaeological Studies of Kampyrtepa]*. Tashkent, 113–125.
- Lyakhov, S.V., Mordvintseva, V.I. 2000: Rannesarmatskoe pogrebenie u poselka Piterka Saratovskoy oblasti [Early Sarmatian Burial near Settlement Piterka of the Saratov Region]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 3, 102–109.

- Lyakhov, S.V., Polovinkina, Yu.S. 2009: Kurgan rannego zheleznogo veka u poselka Piterka v Saratovskom Zavolzh'e. In: V.A. Lopatin (ed.), *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [*Archaeology of the Eastern-European Steppe*] 7. Saratov, 196–231.
- Maksimova, A.G., Mershchiev, M.S., Veinberg, B.I., Levina, L.M. 1968: *Drevnosti Chardary* [*Antiquities of Chardara*]. Alma-Ata.
- Mandelshtam, A.M. 1966: *Kochevniki na puti v Indiyu* [*The Nomads on the Way to India*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 136). Moscow–Leningrad.
- Mandelshtam, A.M. 1975: *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [*The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria*]. Leningrad.
- Mantsevich, A.P. 1976: Nakhodka v Zaporozhskom kurgane (k voprosu o Sibirskoy kollektzii Petra I). In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova (eds.), *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scytho-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia]. Moscow, 164–193.
- Mantsevich, A.P. 1982: Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great. *AJA* 86, 469–474.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Marshak, B.I. 2002: Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: E. Sims, B.I. Marshak, E.J. Gruber (ed.), *Peerless Images. Persian Painting and its Sources*. New Haven–London, 7–19.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.
- Maslov, V.E. 1999: O datirovke izobrazheniy na poyasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.A. Bashilov (eds.), *Evraziyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [*Eurasian Antiquities. 100-Anniversary of B.N. Grakov: Archive Materials, Publications, Articles*]. Moscow, 219–236.
- Matveeva, N.P. 1994: *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [*Early Iron Age of the Ishim Basin*]. Novosibirsk.
- Matveeva, N.P. 2012: Mogil'nik Kozlov Mys-2 i problema khronologii perekhodnogo perioda ot rannego k pozdnemu zheleznomu veku v Zaural'e [Kozlov Mys-2 Necropolis and the Problem of Chronology of the Transitional Period between the Early and the Late Iron Age in the Trans-Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*] 4 (52), 70–85.
- Matveeva, N.P. 2017: Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kul'tury [Radio-carbon Chronology of the Sites of the Sargat Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian archaeology*] 4, 3–20.
- Medvedskaya, I.N. 1979: Raskopki v Shaartuze v 1974 g. In: B.A. Litvinskiy, N.N. Negmatov, V.A. Ranov (eds.), *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological Works in Tadzhikistan] XIV. Dushanbe, 110–122.
- Minasyan, R.S. 2014: *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [*Metalworking in Antiquity and Middle Ages*]. Saint Petersburg.
- Minasyan, R.S., Shablavina, E.A. 2009: O roli tekhnicheskoy terminologii v arkheologicheskoy literature. In: A.G. Furasev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [The Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube]. Saint Petersburg, 236–261.
- Minyaev, S.S. 2007: *Durestuyskiy mogil'nik* [Durestuy Necropolis] (Arkheologicheskie pamyatniki Syunnu [Archaeological Monuments of Xiongnu] 3). 2nd rev. ed. Saint Petersburg.
- Mordvintseva, V.I. 1999: Nabor falarov iz kurgana 28 mogil'nika Zhutovo Volgogradskoy oblasti [The Set of Phalerae from Burial-mound 28 of the Zhutovo Burial-ground of the Vol-

- gograd Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 42–51.
- Mordvinceva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2003: *Polikhromnyy zverinyy stil'* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I. 2007: Sarmatskiy polikhromnyy zverinyy stil'. In: V.I.Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. I. Simferopol–Bonn, 195–244.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2011: Kul'turnye izmeneniya v Nizhnem Povolzh'e po materialam kompleksov s predmetami iz dragotsennykh metallov (III v. do n.e. – ser. III v. n.e.). *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 15, 332–365.
- Mordvintseva, V.I. 2016: Barbarians of the North Pontic Region and their Contacts with Centres of Antique Civilization from the 3rd Century BCE to the mid–3rd Century CE (According to the Research of the Elite Burials). In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj–Napoca, 381–432.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn.
- Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006: *Sarmatskoe zoloto. Yuvelirnye ukrasheniya i predmety torevtiki sarmatskogo vremeni iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Sarmatian Gold. Jewellery and Toreutics of the Sarmatian Period from the Depots of the Volgograd Regional Local Lore Museum]*. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I., Shinkar', O.A. 1999: Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Gala Swords from the Depot of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 138–149.
- Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999: Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [The Sarmatian Elite Burial from Esaulovskiy Aksay]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 149–167.
- Obel'chenko, O.V. 1978: Shakhrivayronskaya pryazhka [The Buckle from the Shakhrivayron Necropolis]. In: O.V. Obel'chenko, D.M. Ovezov, T. Khozhanyazov (eds.), *Istoriya i arkheologiya Sredney Azii [The History and Archaeology of the Middle Asia]*. Ashkhabad, 68–81.
- Obel'chenko, O.V. 1992: *Kul'tura antichnogo Sogda [The Culture of Ancient Sogd]*. Moscow.
- Olbrycht, M. 2015: Aracid Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemmman, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 333–390.
- Ol'khovskiy, V.S. 2005: *Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza [Monumental Sculpture of the Population of the Western Part of the Eurasian Steppes of the Early Iron Age]*. Moscow.
- Otchet Rossiyskogo Istoricheskogo muzeya 1916: *Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo muzeya im. Imperatora Aleksandra III v Moskve za XXV let (1883–1908) [The Report of the Imperial Russian Historical Museum named after Emperor Alexander III in Moscow for 25 Years (1883–1908)]*. Moscow.
- Otchir-Goriaeva, M. 2002: Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *EurA* 8, 353–387.
- Peterson, S. 2012: Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1485067/Parthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe.

- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Pilipko, V.N. 2001: Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [*Old Nisa. Main Results of Archaeological Investigation in the Soviet Period*]. Moscow.
- Podushkin, A.N. 2012: K etnicheskoy istorii gosudarstva Kangyuy II v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam mogil'nikov Orlat i Kul'tobe) [To the Ethnic History of Kangyuy State in the 2nd Century BC – 1st Century AD (after the Materials of Necropoleis Orlat and Kul'tobe)]. *Stratum plus* 4, 31–53.
- Polosmak, N.V. 2012: Embroideries on Garments from Kurgan 20 of the Noil-Ula Burial Ground. *Anabasis* 3, 267–288.
- Pougatchenkova, G. 1978: *Les trésors de Dalverzine-Tépé*. Leningrad.
- Pshenitsyna, M.N. 1992: Teskinskiy etap. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Arheologiya SSSR)* [*Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period (Archaeology of the USSR)*]. Moscow, 224–235.
- Raev, B.A. 2017: Gagatovye pryazhki iz Zhutovskogo mogil'nika. Arkheologicheskie priznaki migratsiy. In: L.B. Vishnyatskiy (ed.), *Ex Ungue Leonis. Sbornik statey k 90-letiyu L'va Samuilovicha Kleyna [Ex Ungue Leonis. Collection of Articles to the 90-Anniversary of Birthday of Lev Samuilovich Klein]*. Saint Petersburg, 291–305.
- Raev, B.A., Dvornichenko, V.V. 2014: Aziatskie elementy obryada zakhroneniya u s. Kosika (Kosika-2). In: A.A. Bisembaev (ed.), *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kadyrbaevskie chteniya – 2014» [Materials of the IV International Conference “Kadyrbaev Readings – 2014”]*. Aktobe–Astana, 170–174.
- Rehm, E. 1992: *Der Schmuck der Achämeniden*. Münster.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischer Quellen D3-9). Moskow–Leningrad.
- Safar, F. Mustafa, A.M. 1974. *Hatra: The City of the Sun God [al-Hadr, madīnat al-shams]*. Baghdad.
- Salmony, A. 1948: Sarmatian gold collected by Peter the Great. III. The early group with winged circle sockets. *Gazette des Beaux-Arts*, 6th series XXXIII, 321–326.
- Samashev, Z. 2013: *Kazakhskoe iskusstvo: v 5-ti tom. T. 1. Drevnee iskusstvo [Kazakh Art: in 5 vols. Vol. 1. Ancient Art]*. Almaty, <http://archo-astana.kz/monograph/ezhelgi-oner/#/1/>
- Samashev, Z., Dzhumabekova, G., Bazarbaeva, G., Ongar, A. 2007a: *Drevnee zoloto Kazakhstana [Ancient Gold of Kazakhstan]*. Almaty.
- Samashev, Z., Kuserbaev, K., Amanshaev, E., Astaf'ev, A. 2007b: *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau [Treasures of Ustyurt and Mankystau]*. Almaty.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Baktrisches Gold*. Leningrad.
- Sassetskaya, I.P. 2009: Goldschmuck aus dem Kurgan Chochlatsch. Klassische Beispiele für den polychromen Tierstil. In: *Kat. Leoben 2009*, 58–73.
- Schiltz, V. 1994: *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.
- Schiltz, V. 2015: Ariane, Artémis, Cybèle et autres Nana. In: V. Schiltz (ed.), *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin – II*. Paris, 71–91.
- Shilov, V.P. 1954: *Otchet o raskopkakh Kalinovskogo otryada Stalinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR [The Report of the Excavations of the Kalinovka Department of the Stalingrad Archaeological Expedition of the Institute of History of Material Culture Academy of Sciences of the USSR]*. – Archive of the Volgograd Regional Local Lore Museum, № 7 (A–7 a).
- Shilov, V.P. 1956: Pogrebenie sarmatskoy znati I v. do n.e. – I v. n.e. [The Burials of the Sarmatian Elite of the 1st Century BC – 1st Century AD]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* 9, 42–45.

- Shilov, V.P. 1959: Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik. In: E.I. Krupnov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [*Antiquities of the Lower Volga Region*]. 1 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 60). Moscow, 323–523.
- Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [*Essays in the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region*]. Leningrad.
- Shu Takahama 高濱, 秀 2002: ユーラシア草原地帯の非金属製帯飾板. 金沢大 学考古学紀要 [Kanazawa University. College of Human and Social Sciences. Departmental Bulletin Paper] 26, 50–63, https://kanazawa-u.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=6507&item_no=1&page_id=13&block_id=21
- Shu Takahama 高濱, 秀 2012: 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = Archaeology Bulletin, Kanazawa University 33, 23–34.
- Simonenko, A.V. 2001: Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *EurA* 7, 187–327.
- Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [*Sarmatian Horsemen of the North Pontic Area*]. 2nd ed. Kiev.
- Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008: Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [The Sarmatian Elite Burial from the Trans-Volga Volgograd Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Herold*] 9, 98–116.
- Skripkin, A.S. 2000: Novye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New Aspects in the Study of the History of Material Culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Herold*] 3, 17–40.
- Skripkin, A.S. 2006: K probleme sootnosheniya ranne- i srednesarmatskoy kultur [To the Problem of Correlation of the Early and Middle Sarmatian Cultures]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* [*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*] 1. Volgograd, 5–27.
- Skripkin, A.S. 2014: O vostochnykh svyazyakh sarmatov vo II–I vv. do n.e. In: L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev (eds.), *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatians and the Outside World: Materials of the VIII International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”] (*Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 14). Ufa, 218–222.
- Skripkin, A.S. 2015: Ob odnom tipe rannesarmatskikh kuril'nits [On One Type of the Early Sarmatian Incense-burners]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian archaeology*] 1, 106–111.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty* [*The Sarmatians*]. Волгоград.
- Skripkin, A.S. 2019: Kochevoy mir yuga Vostochnoy Evropy vo II–I vv. do n. e. (vostochnye innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya) [The Nomadic World of the South of Eastern Europe in the 2nd–1st Century BC (Eastern Innovations, Facts, Causes, Consequences)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [*Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*] 24.1, 20–34.
- Skripkin, A.S., Klepikov, V.M. 2004: Khronologiya rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [*Sarmatian Cultures of Eurasia: The Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “The Problems of Sarmatian Archaeology and History”*]. Krasnodar, 95–106.

- Skripkin, A.S., Shinkar', O.A. 2010: Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Zhutovo Burial-mound no. 27 of the Sarmatian Period in the Volga-Don Interfluve]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 1, 125–138.
- Smirnov, K.F. 1975: *Sarmaty na Ilike* [The Sarmatians on the Ilek River]. Moscow.
- Smirnov, K.F. 1976: Savromato-sarmatskiy zverinyy stil'. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova (eds.), *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scytho-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia]. Moscow, 74–89.
- Sono, T., Fukai, Sh. 1968: *Dailaman III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti 1964* (The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 8). Tokyo.
- Spitsyn, A.A. 1909: Falary Yuzhnoy Rossii. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Reports of the Archaeological Commission] 29, 18–53.
- Teterin, Yu.V. 2015: Poyasnye podveski khunnskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri [Belt Pendants of the South Siberia of the Hunnu Period]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Journal of Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 14.5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and Ethnography], 51–60.
- Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. 2017: Izdeliya iz khudozhestvennogo metalla v poyasnykh garniturakh kochevnikov Altaya khunnuskogo vremeni (po materialam pamyatnika Yaloman-II) [Items of Artistic Metalwork in the Belt Sets of the Nomads of Altai of the Hunnu Period (after the Materials of Yaloman-II Site)]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 74–87.
- Treister, M. 2002: Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29–72.
- Treister, M. 2004: Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297–321.
- Treister, M.Yu. 2007: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellenisticheskaya traditsiya). In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn, 15–194.
- Treister, M.Yu. 2010: Remont, «usovershenstvovanie» inokul'turnykh veshchey v skifskoy i sarmatskoy srede i ispol'zovanie inokul'turnogo ornamenta v dekore sobstvennykh proizvedenykh skifov i sarmatov (na primere pamyatnikov khudozhestvennogo metalla) [Repair, “Modification” of the Ico-Cultural Artefacts in the Scythian and Sarmatian Milieu and the Use of Ino-Cultural Ornamental Patterns in the Decoration of the Local Artefacts of the Scythians and Sarmatians (after the Items of Artistic Metalwork)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 16, 72–94.
- Treister, M.Yu. 2011: Serebryanye falary s izobrazheniem Bellerofonta i Khimery iz sarmatskogo pogrebeniya v Volodarke (Zapadnyy Kazakhstan). Eshche raz k voprosu o tak nazyvayemom greko-baktriyskom stile v ellinisticheskoy torevtike. *Scripta antiqua* 1, 90–146.
- Treister, M.Yu. 2014: K nakhodke falara iz medal'ona ellinisticheskoy chashi v kurgane № 20 mogil'nika Noin-Ula (Severnaya Mongoliya) [To the Find of Phalera made from Medallion of the Hellenistic Bowl in the Burial-mound no. 20 of the Noin-Ula Necropolis (North Mongolia)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 125–150.
- Treister, M. 2016: On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55–95.
- Treister, M. 2018a: Kitayskie „importy“ v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine I tys. do n.e. – pervykh vekakh nashey ery [Chinese “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe in the Second Half of the 1st Millennium BC – first Centuries AD]. *Stratum plus* 4, 153–200.

- Treister, M. 20186: Parfyanskie i rannesasanidskie “importy” v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanian “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] 10, 109–201.
- Treister, M. 2019: Pozdneellinisticheskie litye v formakh steklyannye sosudy i ikh fragmenty iz pogrebenii kochevnikov Aziatskoi Sarmatii [Late Hellenistic Mold-Cast Glass Vessels and their Fragments from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. In: A.D. Vasil'ev (ed.), *III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [III International Conference. Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East]. Vol. 1. Moscow, 260–264.
- Veinberg, B.I., Yusupov, Kh. Yu. 1992: Kochevniki Severo-Zapadnoy Turkmenii. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosа aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* (Arkheologiya SSSR) [*Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period (Archaeology of the USSR)*]. Moscow, 122–129.
- Vdovchenkov, E.V. 2016: *Etnosotsial'naya istoriya sarmatov Nizhnego Podon'ya* [Ethno-social History of the Sarmatians of the Lower Don Basin]: Diss. doctor of Historical Sciences. Rostov-on-Don.
- Vlaskin, M.V., Glebov, V.P., Kuz'min, V.N. 2018: Ritual'nyy klad iz kurgana 1 mogil'nika Restumov II v Rostovskoy oblasti [A Ritual Hoard from Burial-mound 1 of Restumov II Necropolis in the Rostov Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 17.2, 58–69.
- Winkelmann, S. 2003: Eurasisches in Hatra ? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse part-herzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 „Differenz und Integration“* 4,1, 21–140.
- Yagodin, V.N. 1978: Pamyatniki kochevykh plemen drevnosti i srednevekov'ya. In: S.K. Kamilov (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Yugo-Vostochnogo Ustyurta* [Ancient and Medieval Culture of South-Eastern Ustyurt]. Tashkent, 79–198.
- Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Kidd, F., Baker Brite, E., Khozhaniyazov, G., Amirov, S., Yagodin, V.V., Fray, G. 2009: Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7–41.
- Yusupov, Kh. Yu. 1975: Issledovanie kurgannykh pamyatnikov vdol' verkhnego Uzboya vesnoy 1973 g. In: *Uspekhi Sredneaziatskoy Arkheologii* [Achievements of the Middle-Asian Archaeology] 3. Leningrad, 48–51.
- Zasetskaya, I.P. 2008: Zolotyе ukrasheniya iz kurgana Khokhlach – klassicheskie obraztsy sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilya I – nachala II v. n.e. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 29–43.
- Zasetskaya, I.P. 2010: Dekorativnoe oformlenie bol'shikh falarov iz pogrebeniya I v. n.e. u st. Zhutovo (k voprosu o proiskhozhdenii sarmatskogo zverinogo stilya) [The Decorative Execution of Large Phalerae from the 1st Century AD Burial near the Station Zhutovo (to the Question of the Origin of the Sarmatian Animal Style)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] XI, 114–129.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novoчеркасский клад* [The Treasures of the Khokhlach Burial-mound. Novoчеркасс Treasure]. Saint Petersburg.
- Zasetskaya, I.P. 2012a: Izobrazheniya grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. In: *Zoloto, kon'i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold,

- Horse and Man. Collection of Articles to the 60th-Birthday of Alexander Vladimirovich Simonenko*. Kiev, 353–383.
- Zasetskaya, I.P. 2012b: *Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n.e. Voyadzer: Mir and che-lovek: teoreicheskiy i nauchno-metodicheskiy zhurnal [Voyager: World and Man: Theoretical and Scientific-Methodological Journal]* 3. Samara, 63–73.
- Zasetskaya, I.P. 2015: O stilisticheskikh osobennostyakh trekh kinzhalov sarmatskoy epokhi I veka do novoy ery – II veka novoy ery [About the Stylistic Peculiarities of the Three Daggers of the Sarmatian Period 1st Century BC to the 2nd Century AD]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage]* 40, 189–231.
- Zasetskaya, I.P. 2016: Stilisticheskie osobennosti dekora na falarakh iz Yashkulya. In: S.I. Lukiyashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20–21 oktyabrya 2016 g. [Ancient Civilization and the Barbarian World of the Pontic-Caspian Region. Materials of the Conference dedicated to the 70th-Birthday of B.A. Raev, 20–21 October 2016]*. Rostov-on-Don, 90–105.
- Zasetskaya, I.P., Minasyan, R.S. 2008: Zolotye nozhny kinzhala iz kurgana Dachi – unikal'noe proizvedenie drevnego yuvelirnogo iskusstva. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 44–52.

“IMPORTS” FROM CENTRAL ASIA AND SIBERIA IN THE BURIALS OF ASIAN SARMATIA OF THE 2nd–1st CENTURIES BC

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. In the works of the last decades, a whole range of categories of the burial inventory of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd–1st centuries BC is considered, having no prototypes in the material culture of the preceding time and being regarded as Eastern innovations. They are associated with the movement of a number of nomadic groups from the north-western borders of China to the west, first to Central Asia, where the Greco-Bactrian kingdom fell under their blows, and then further west up to the Lower Volga region.

The analysis of archaeological materials conducted in this paper does not give grounds to speak about the distribution of items of South Siberian (Transbaikalian) origin in the burials of the nomads of Asian Sarmatia. At the same time, it is obvious that in some burials of the Lower Volga region, dating in frames of the late 2nd – 1st centuries BC, there are certain artefacts, as a rule, of status appearance (massive gold jewelry: torcs and bracelets, belt plates), mostly with losses and traces of primitive ancient repair, which can be considered as items brought by nomads from Central Asia. One cannot, however, exclude the role of intertribal marriages of the elite nomads in the distribution of such things, especially since at least some of them in the Volga region were found precisely in the female burial no. 8 of the Burial-mound No. 55/1954 near the village of Kalinovka.

In some cases, it is possible to speak about certain Eastern influences in the execution of belt buckles, similar to certain extent to the remote prototypes from Mongolia and Transbaikalia.

In general, there is every reason to suggest the migration of some group (groups) of nomads from Central Asia to the steppes of the Lower Volga region and their possible participation in the events connected with the fall of the Greco-Bactrian kingdom.

Judging by the number of items examined in this article, the number of migrants was not significant, which is consistent with the observations of other researchers, based on an analysis of the burial rite. I will note that for the time in question there are only rare examples of artefacts, which moved from west to east (probably also through the Eurasian steppes). However, it is not necessary to consider the movement of the abovementioned objects from east to west and from west to east as a reflection of economic relations along the Silk Road, as the author has already stated elsewhere.

Keywords: Xiongnu, Transbaikalia, South Siberia, Central Asia, Asian Sarmatia, Lower Volga region, belt plaques of gold, bronze, jet; gold adornments of status level
